А. В.
СУВОРОВ
ЕГО ЖИЗНЬ И ПОБЕДЫ

СУВОРОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

Александръ Суворовъ-Рымникскій

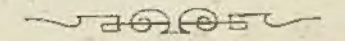
АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

СУВОРОВЪ,

ГЕНЕРАЛИССИМУСЪ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ.

Его жизнь и побѣды.

Составлено по исторіямъ: Н. А. Полеваго и Генерала Д. А. Милютина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1870.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 20 Ноября 1870 года.

Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Въ тысячелѣтней жизни русскаго народа было много великихъ событій, которыя остались вѣчными памятниками не только на страницахъ исторіи нашей, но и въ памяти всего народа: Куликовская битва, Полтавская побѣда, Бородино, пожаръ Москвы, Севастопольскій погромъ—вовѣки незабудутся народомъ. Много было и великихъ людей, доблестныхъ дѣятелей, имена которыхъ народъ будетъ вѣчно носить въ памяти и въ сердцѣ своемъ; въ числѣ этихъ великихъ именъ сіяетъ, озаренное славой, имя Суворова.

Чудо-богатырь, отецъ солдатскій, непобѣдимый побѣдитель—онъ былъ великъ всегда, во всемъ и всюду: въ совѣтахъ царей, на развалинахъ Измаила, въ пожарѣ Праги, въ снѣгахъ Альпійскихъ горъ, на бивакѣ солдатскомъ, на клиросѣ и колокольнѣ деревенской церкви—вездѣ самобытный, своеобразный, странный; всегда русскій, народный и великій человѣкъ, онъ былъ удивленіемъ, славою, гордостію и любовію всего народа — отъ царя до солдата и до послѣдняго селянина.

Когда друзья Суворова, удивляясь великимъ дѣламъ и странностямъ его, говорили ему, что трудно его разгадать, то онъ отвѣчалъ друзьямъ:

«Помилуй Богъ! и не трудитесь, — я самъ себя раскрою:-цари меня хвалятъ, солдаты любятъ, друзья мнѣ удивляются, враги меня ругаютъ, придворные трунятъ надо мной,—а я побасенками говорю правду во двор-

*

цахъ, пою пѣтухомъ, чтобы пробудить сонливыхъ и для пользы отечества готовъ скакать на одной ногѣ....»

Онъ шутилъ. Но сколько любви къ людямъ, преданности отечеству, уваженія къ правдѣ—сколько истиннаго величія скрывалось подъ его шутками!

Полководецъ, геніальнымъ умомъ создавшій *свою*, русскую «науку побѣждать»,—онъ, горячимъ сердцемъ своимъ, создалъ и чудо-богатырей вѣрныхъ слугъ побѣды: солдаты глядѣли на Суворова какъ на Архистратига—слово, взглядъ, мановеніе руки его двигало ихъ разомъ — все равно къ побѣдѣ или смерти, но всегда къ славѣ.

Духъ Суворова рѣялъ надъ всѣмъ его войскомъ, вливался въ душу каждаго солдата и наполнялъ ее геройствомъ.

Безсмертный духъ этотъ носится и нынѣ и вовѣки надъ русскими полками—онъ шумитъ въ нашихъ знаменахъ, горитъ на остріѣ штыка, дыханіемъ древней славы обвѣваетъ боевые ряды: въ этихъ рядахъ стоялъ безсмертный Суворовъ простымъ солдатомъ; и честь и славу вознесеннаго имъ солдатскаго оружія, завѣщалъ намъ—всѣмъ намъ: отъ перваго генерала до послѣдняго рядоваго, пѣшаго и коннаго.

Надо ли напоминать: берегите святое наслѣдство! Это напоминаетъ намъ нашъ долгъ отечеству, наша присяга царю, наша честь, слава нашего оружія, и благоденствіе всѣхъ братій нашихъ—всего народа.

Читая и слушая эту исторію нашего славнаго полководца,—каждый переносись мыслію и сердцемъ подъ

высокую команду Суворова: съ нимъ бей подъ Туртукаемъ, бери Измаилъ, громи на Рымникѣ, переходи Чертовъ мостъ и снѣжныя горы.... Мысль твоя окрѣпнетъ, распалится сердце и придетъ время — по первому клику: «впередъ!» грянешь ты на врага, какъ громъ небесный, какъ Суворовскій чудо-богатырь—и всюду и всегда штыкъ твой укажетъ тебѣ побѣду.

Непремѣнно будетъ такъ: проникнись только великимъ духомъ роднаго нашего, непобѣдимаго солдатскаго отца—Суворова.

I.

Дѣтство Суворова. Поступленіе его въ Гвардію. Суворовъ—капралъ, унтеръ-офицеръ и сержантъ. Суворовъ—на часахъ. Производство въ офицеры и переводъ въ армію. Участіе его въ «Семилѣтней войнѣ». Первое сраженіе. Партизанскія дѣйствія въ Пруссіи. Суворовъ — полковникъ; назначеніе его командиромъ полка.

1729 года, 13 Ноября, въ день Св. Іоанна Златоуста, въ Москвѣ, генералъ-поручику *Василію Ивановичу Суворову* Богъ далъ сына, во крещеніи *Александра.*—Радость родителей была велика, такъ какъ Александръ былъ единственнымъ сыномъ у нихъ; но отъ ранняго возраста ребенокъ оказался хилымъ и слабымъ; поэтому и воспитывался онъ не для военной службы, и когда пришло время учить сына, отецъ сталъ приготовлять его къ службѣ гражданской.

Подъ руководствомъ отца, человѣка весьма просвѣщеннаго, Александръ Суворовъ получилъ основательное и— по тогдашнему времени—необыкновенное образованіе; при томъ же, онъ былъ чрезвычайно способенъ къ наукамъ и въ особенности легко научился иностраннымъ языкамъ: превосходно зналъ французскій, нѣмецкій, польскій и итальянскій языки, а въ послѣдствіи, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, выучился говорить по турецки и даже по чухонски. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ онъ пристрастился къ чтенію ученыхъ книгъ; но въ особенности любилъ читать дѣянія великихъ людей и полководцевъ и изучать военныя науки. Воспитанный въ покорности родителямъ и горячо любя почтеннаго отца своего, онъ не смѣлъ однако идти противъ его воли; а такъ какъ отецъ

и слышать нехотѣлъ о поступленіи его въ полкъ, то онъ, только въ свободное отъ занятій время, украдкой учился военному дѣлу: читалъ о походахъ знаменитыхъ военачальниковъ и разсматривалъ карты сраженій. При томъ, желая укрѣпить свои тѣлесныя силы, онъ пріучался къ трудамъ, къ холоду, къ зною; ѣздилъ верхомъ, ходилъ по нѣскольку часовъ сряду, учился владѣть оружіемъ и развивалъ въ себѣ неутомимость, необходимую воину. Убѣдясь въ его необоримой страсти къ военной службѣ и по совѣту друга своего генерала Ганибала(*)—отецъ уступилъ наконецъ просьбамъ сына и самъ занялся съ нимъ военными науками — артиллеріею и фортификаціею. Судьба молодаго Суворова была рѣшена и онъ предался душой и тѣломъ своему прирожденному призванію.

Въ годъ восшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, Суворову минуло 12 лѣтъ; онъ былъ записанъ рядовымъ солдатомъ въ гвардейскій Семеновскій полкъ; но прожилъ у отца еще пять лѣтъ, только считаясь на службѣ. Въ эти-то пять лѣтъ уже ничто немѣшало ему изучать свое любимое дѣло и онъ усовершенствовался, какъ въ фронтовой службѣ, такъ и во всѣхъ военныхъ наукахъ.

1746 года, на 17-мъ году отъ роду, онъ поступилъ *капраломъ* на дѣйствительную службу.

(*) Генералъ Суворовъ былъ крестникомъ Петра Великаго; генералъ Ганибалъ, Арабъ, былъ тоже крестный сынъ Петра и предокъ нашего знаменитаго поэта Пушкина.

Чрезъ три года, онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и въ томъ же году въ сержанты.

Все это время, Суворовъ былъ дѣйствительнымъ солдатомъ и наряду со всѣми переносилъ всѣ труды и лишенія солдатской жизни: никогда не позволялъ своему дядькѣ чистить для него ни платья, ни сапогъ, ни аммуницію. Ни одного ученія не пропускалъ и наравнѣ съ прочими ходилъ въ караулъ, строго исполняя приказанія начальства и уважая старшихъ. Живя постоянно въ казармахъ, онъ былъ любимъ всѣми своими товарищами—солдатами; не разъ они избирали его въ артельщики и такимъ способомъ Суворовъ вполнѣ освоился съ бытомъ и духомъ русскаго солдата. Эта школа послужила въ великую пользу будущему генералиссимусу и вотъ причина, почему, впослѣдствіи, онъ такъ вникалъ въ солдатскія нужды и зналъ хорошо,—что русскому воину возможно.

Суворовъ постоянно говаривалъ: «научись повиноваться прежде, нежели будешь повелѣвать другими. Будь добрымъ солдатомъ, если хочешь быть хорошимъ фельдмаршаломъ. Помни, что у худаго пахаря хлѣбъ худо родится, и что за ученаго двухъ неученыхъ даютъ.»

Служа усердно и проходя службу съ нижнихъ чиновъ, Суворовъ оправдывалъ свои слова на дѣлѣ: и по знанію службы, и по исполнительности, и по неутомимости—онъ былъ истинный образецъ солдата.

Семеновскій полкъ содержалъ караулы въ Петергофѣ, гдѣ Императрица имѣла въ то время свое лѣтнее мѣсто-

пребываніе. Однажды, Суворовъ стоялъ на часахъ у Монплезира (царская бесѣдка въ нижнемъ саду). Императрица проходила мимо и Суворовъ такъ ловко отдалъ честь, что она остановилась и спросила, какъ его зовутъ. Суворовъ назвалъ себя по имени.

— Не сынъ ли Василія Ивановича Суворова? спросила Императрица.

— Точно такъ, Государыня.

Его быстрый отвѣтъ и воинственный видъ понравился Императрицѣ; она вынула изъ кармана серебряный рубль и подала молодому солдату.

— Государыня, не возьму! сказалъ почтительно Суворовъ: законъ запрещаетъ солдату, стоящему на часахъ, брать деньги.

— Молодецъ! Лихой солдатъ! отвѣтила Императрица, потрепавъ его по щекѣ и положила рубль на землю.

— Возьми, когда смѣнишься! прибавила Государыня.

Суворовъ всю жизнь свою берегъ этотъ рублевикъ, какъ святыню; и говаривалъ, что первую царскую награду онъ получилъ за то, что былъ лихой солдатъ; даже въ старости, съ особенною гордостью, вспоминалъ этотъ случай въ его жизни, говоря, что никакая награда не радовала его болѣе этой первой награды.

Семь лѣтъ Суворовъ служилъ въ нижнемъ воинскомъ званіи и только въ 1754 году, на двадцать пятомъ году отъ рожденія, былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ, съ переводомъ поручикомъ въ армейскій полкъ.

Въ арміи, такъ же ревностно продолжалъ онъ свою службу: онъ былъ требовательный и строгій офицеръ, но внимательный и ласковый къ солдату и умѣлъ говорить съ нимъ по солдатски. И сразу поняли всѣ лихаго задушевнаго начальника — отъ немногихъ словъ его огнемъ вспыхивало солдатское сердце.

Въ 1756 году началась между Пруссіею и Австріею война, извѣстная подъ именемъ *Семилѣтней*. У честолюбиваго Прусскаго короля Фридриха Великаго было много враговъ, которые всѣ соединились противъ него. Россія также направила свои войска на поле военныхъ дѣйствій; но Фридрихъ считалъ русское войско неопаснымъ. Онъ говорилъ, что ему «не страшны русскіе дикари, не имъ сражаться со мною». Но въ скоромъ времени, ему пришлось перемѣнить свое мнѣніе и на опытѣ узнать мужество и стойкость русскихъ солдатъ: первая же встрѣча Пруссаковъ съ Русскими была побѣдою русскаго знамени надъ прусскимъ. Суворовъ поступилъ въ дѣйствующую армію, но въ первые три года онъ не участвовалъ въ битвахъ; ему поручали разныя должности по управленію войсками. Въ чинѣ подполковника онъ былъ назначенъ Мемельскимъ комендантомъ. Тутъ онъ провелъ еще три года. Должность эта была ему сильно не по нраву: онъ рвался на поле битвы. Наконецъ желаніе его исполнилось. Близъ селенія **Куннерсдорфа** произошла одна изъ самыхъ кровавыхъ битвъ *Семилѣтней войны*. Пруссаки были разбиты и это было *первое сраженіе*, въ которомъ участвовалъ Суворовъ; онъ состоялъ тогда дежурнымъ маіоромъ при генералѣ Фер-

морѣ, командовавшемъ правымъ крыломъ. Въ разговорѣ съ Ферморомъ, послѣ этого сраженія, Суворовъ сказалъ: «я пошелъ бы теперь прямо на Берлинъ и война кончилась бы».—Такъ думалъ и самъ разбитый Фридрихъ—величайшій полководецъ своего времени: онъ написалъ королевѣ, чтобы она спасалась изъ Берлина, навѣрно предполагая, что Русскіе пойдутъ на столицу.

Въ остальное время этой войны Суворовъ личною храбростью и рѣшительностью въ битвахъ обратилъ на себя особенное вниманіе начальства и съ легкимъ отрядомъ своимъ, подъ командою Тотлебена, ворвался въ Берлинъ, хотя Русскіе въ такихъ незначительныхъ силахъ и не могли удержаться тамъ; но они удовольствовались славою и контрибуціею со столицы прусской. — Потомъ Суворовъ былъ назначенъ въ легкій авангардный корпусъ Берга. Командуя легкимъ отрядомъ, Суворовъ, удалыми наѣздами своими, удивлялъ не только товарищей, но и непріятеля. Это былъ цѣлый рядъ отважныхъ нападеній и набѣговъ, изъ которыхъ будущій генералиссимусъ выходилъ всегда съ честью: безпрестанно тревожилъ прусскій лагерь, отбивалъ непріятельскіе пикеты, и даже цѣлые отряды. Сражаясь съ лихими прусскими наѣздниками, Суворовъ иногда прибѣгалъ и къ военнымъ хитростямъ, которыя всегда удавались ему. Иногда поражалъ онъ непріятеля появленіемъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ его никто и не ожидалъ. Такъ, въ осеннее время, по грязной дорогѣ, онъ затруднялъ походъ непріятеля и однажды проскакалъ съ летучимъ отрядомъ своимъ 40 верстъ въ одну ночь, переправился вплавь черезъ

р. **Нецку**, захватилъ цѣлый городъ, сжегъ мостъ и успѣлъ укрыться отъ непріятеля. Подъ **Фридбергомъ,** онъ отрѣзалъ баталіонъ прусскихъ гусаръ и принудилъ ихъ сдаться въ плѣнъ. Однажды ночью въ лѣсу, Суворова, съ отрядомъ, застигла сильная гроза и буря. Темнота была страшная; весь отрядъ разсѣялся по лѣсу и самъ Суворовъ, отъискивая дорогу съ двумя только казаками, наткнулся на прусскій пикетъ. Прусскіе солдаты не замѣтили ихъ—и они тотчасъ же укрылись. На разсвѣтѣ, Суворовъ собралъ отрядъ и, немедля напалъ на Пруссаковъ, стоявшихъ среди топкой равнины. Пруссаки однако успѣли сомкнуться въ каре и встрѣтили атаку батальнымъ огнемъ: Русскіе дрогнули; тогда Суворовъ собралъ бѣгущихъ, лично повелъ ихъ въ атаку, опрокинулъ непріятеля и взялъ 800 человѣкъ въ плѣнъ.

Никогда въ этихъ стычкахъ Суворовъ не терялъ присутствія духа и не уступалъ врагу поля сраженія. Даже раненый, онъ не оставлялъ отряда. Въ городкѣ **Гольнау** онъ былъ раненъ пулею; лекаря нельзя было найти; тогда онъ самъ примочилъ рану виномъ и перевязалъ ее. Отецъ Суворова, участвовавшій въ этой компаніи, былъ тогда назначенъ губернаторомъ занятыхъ нашими войсками прусскихъ областей; видя подвиги сына, убѣдился старый воинъ, что юноша не напрасно промѣнялъ перо на мечь.

Подъ конецъ войны Суворовъ командовалъ Тверскимъ драгунскимъ полкомъ и въ одной стычкѣ подъ нимъ убили лошадь, въ то время когда полкъ его, преслѣдуя

Пруссаковъ, изрубилъ баталіонъ гусарскаго Принца Фердинанда полка. Послѣ этого, Суворовъ назначенъ былъ командиромъ Архангелогородскаго драгунскаго полка.

Въ это время, на престолъ вступила Императрица Екатерина II. Она отказалась отъ войны и требовала всеобщаго мира. Русскія войска выступили изъ Пруссіи и *Семилѣтняя* война окончилась. Суворовъ былъ посланъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о выступленіи нашихъ войскъ; мудрая царица, слушая отчеты его о событіяхъ въ Пруссіи, угадала въ немъ будущаго полководца: она пожаловала его чиномъ полковника, и оставила въ столицѣ для особенныхъ порученій.

Вскорѣ послѣ этого, Суворовъ получилъ Суздальскій пѣхотный полкъ, которымъ и командовалъ шесть лѣтъ.

II.

Жизнь Суворова въ Ладогѣ. Военныя занятія его въ мирное время. Война въ Польшѣ. Суворовъ—генералъ-маіоръ. Взятіе Люблина и Замосцья. Присоединеніе Бѣлоруссіи. Порученіе на шведской границѣ.

Суздальскій полкъ квартировалъ въ Ладогѣ.

Кромѣ службы и занятій по полковому хозяйству, Суворовъ никуда не выходилъ изъ дому и никого не принималъ къ себѣ. Онъ сталъ совершенно нелюдимъ. Въ движеніяхъ, въ разговорахъ и на письмѣ онъ отличался крайнею своеобычностію. Ходилъ иначе какъ въ припрыжку; въ разговорѣ постоянно прибавлялъ

свои поговорки и пословицы, и по всегдашней привычкѣ своей, что называется — рубилъ правду въ глаза всѣмъ и каждому. Иногда кривлялся, слушая другихъ или молчалъ; когда всѣ ожидали его отвѣта, онъ вдругъ смѣялся и убѣгалъ, прыгая на одной ногѣ. Словомъ, онъ повелъ совершенно особый родъ жизни; отказался отъ всякой роскоши, терпѣть не могъ видѣть зеркалъ, спалъ на соломѣ, зимою ходилъ безъ шубы, ѣлъ постоянно самую простую пищу; ни въ какихъ увеселеніяхъ городскихъ никогда не участвовалъ и проводилъ время только съ своими офицерами и солдатами. Во время обѣдни, онъ самъ читалъ Апостолъ и пѣлъ на клиросѣ. Иногда же ему приходила мысль сдѣлаться школьнымъ учителемъ: онъ созывалъ солдатскихъ дѣтей, училъ ихъ грамотѣ и сочинилъ имъ молитвенникъ и ариѳметику. Во время уроковъ, онъ шумѣлъ, спорилъ и бѣгалъ въ запуски съ дѣтьми.

Ученія полку своему онъ производилъ совершенно по своему. Прежде всего требовалъ отъ подчиненнаго, чтобы онъ быстро отвѣчалъ на всякій даже нелѣпый вопросъ. Слова *«не знаю»* Суворовъ не терпѣлъ и, отвѣтившихъ ему хоть разъ «не могу знать» онъ помнилъ и прозывалъ *«немогузнайками»*.

Кромѣ обыкновеннаго ученія, онъ изобрѣлъ особыя военныя упражненія, въ которыхъ можно было показать отвагу, ловкость и силу. Такъ иногда, онъ проводилъ цѣлые дни съ солдатами въ полѣ, дѣлалъ быстрые и большіе переходы, училъ въ самую сильную жару или трескучій морозъ; ночью билъ тревогу, выступалъ

изъ города и ночью же со всѣмъ полкомъ переправлялся черезъ рѣки.

Обо всѣхъ странностяхъ Суворова донесли Императрицѣ Екатеринѣ II; но Она отвѣчала: «не трогьте его, я его знаю.»

Тутъ онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе: только и было рѣчи, что о Суворовскихъ причудахъ; многіе даже считали его помѣшаннымъ. Но Суворовъ отшучивался по своему и приговаривалъ: «тотъ еще не уменъ, о комъ только разсказываютъ, что онъ уменъ.»

Однажды осенью, Суворовъ внезапно былъ вызванъ съ полкомъ своимъ въ Петербургъ на смотръ и Императрица въ особенности отличила Суздальцевъ за образцовую, примѣрную выправку и молодецкій видъ — и пожаловала по рублю на человѣка. Суворовъ разблагодарилъ своихъ молодцовъ.

Послѣ шести лѣтъ мирнаго времени, началась война съ Польшею. На помощь къ генералу Веймарну, командовавшему 10,000 русскаго войска, было послано еще 6 полковъ, въ томъ числѣ и Суздальскій полкъ Суворова, пожалованнаго уже въ бригадиры. Окуренный боевымъ дымомъ въ Пруссіи, Суворовъ продолжалъ уже самостоятельно свое военное поприще.

Онъ выступилъ изъ Ладоги осенью 1768 года и въ мѣсяцъ, по грязи и болотамъ, сдѣлалъ 1000 верстъ. Тутъ начался длинный рядъ блистательныхъ подвиговъ. Дѣлая изумительные переходы съ своими чудо-богатырями,—какъ называлъ онъ своихъ солдатъ—онъ обык-

новенно нападалъ на непріятеля нежданно, въ расплохъ,—по русской пословицѣ: какъ снѣгъ на голову!

Главныя правила Суворовской тактики были: *взглядъ*, *быстрота* и *натискъ*. Екатерина одобрила всѣ его дѣйствія и пожаловала его чиномъ генералъ-маіора.

Въ это же время началась война съ Турціею. Поляки ободрились и начали дѣйствовать рѣшительнѣе. Но Суворовъ продолжалъ дѣйствовать по прежнему: быстрымъ походомъ и ударомъ въ штыки, онъ разбилъ на голову отрядъ Мошинскаго и отнялъ у него 6 пушекъ. Преслѣдуя бѣгущаго непріятеля, онъ едва самъ не лишился жизни: при переправѣ чрезъ Вислу, онъ ударился грудью о паромъ и упалъ въ воду. Одинъ изъ гренадеровъ спасъ его; Суворовъ заболѣлъ и пролежалъ въ постели три мѣсяца.

Едва оправившись отъ болѣзни, Суворовъ снова принялъ въ свое командованіе незначительный отрядъ изъ 4-хъ ротъ пѣхоты, 3-хъ эскадроновъ карабинеровъ, сотни казаковъ и нѣсколькихъ пушекъ. Но Суворовъ не считалъ ни своихъ, ни непріятелей—онъ пріучилъ своихъ солдатъ къ побѣдѣ: съ этими малыми силами овладѣлъ **Люблиномъ** и поспѣшилъ на выручку генерала Веймарна, окруженнаго въ **Краковѣ**. Во время этого похода, въ бродъ переходилъ рѣки, разбивалъ отряды тревожившихъ его Поляковъ и освободилъ Краковъ. Затѣмъ онъ разбилъ войско Польскаго генерала Пулавскаго и взялъ крѣпость **Замосцье**; потомъ устремился въ Литву, куда укрылись Поляки подъ предводительствомъ Огинскаго. У Огинскаго было 5000 человѣкъ и 12 пу-

шекъ; польскій военачальникъ успѣлъ захватить въ плѣнъ цѣлый русскій баталіонъ. Суворовъ не медлилъ: съ 1000 человѣкъ, поскакалъ онъ въ Литву,—сдѣлалъ 200 верстъ въ четверо сутокъ. Разузнавши, что Огинскій укрѣпился подъ мѣстечкомъ **Столовичами,** Суворовъ ночью прошелъ по лѣсамъ и болотамъ и зашелъ ему въ тылъ. Непріятель неожидалъ нападенія: Русскіе кинулись впередъ съ крикомъ—ура! Взятый въ плѣнъ русскій баталіонъ былъ освобожденъ, и Поляки бѣжали въ самомъ страшномъ безпорядкѣ.

За всѣ эти побѣды, Суворовъ былъ награжденъ орденами Св. Анны, Георгія 3-й степени и Александра Невскаго. Но самая высшая награда его была та, что въ средѣ войскъ и солдатъ имя Суворова уже считалось *непобѣдимымъ*; каждый рвался быть подъ его командой, заранѣе увѣренный въ успѣхѣ.

Суворовъ окончилъ эту войну съ Поляками и ему одному принадлежитъ честь и слава успѣховъ нашего оружія: ему мы обязаны—присоединеніемъ къ намъ Бѣлоруссіи. Но война съ Поляками была—войною мелкою, съ непріятелемъ не сильнымъ; это былъ длинный рядъ стычекъ съ партизанами; потому-то Суворовъ рвался на югъ, рвался на поле военныхъ дѣйствій съ Турціей, гдѣ главнокомандующимъ русскими силами былъ Румянцевъ.

Въ 1772 году Суворовъ былъ призванъ въ Петербургъ. Въ это время опасались войны со Швеціей. Екатерина нуждалась въ надежномъ человѣкѣ и командировала Суворова на шведскую границу, для осмотра

пограничныхъ крѣпостей. Окончивъ блистательнымъ образомъ свое порученіе, онъ вернулся въ столицу и выпросилъ у Императрицы разрѣшеніе отправиться въ Молдавскую армію. По полученіи этого разрѣшенія, Суворовъ, не медля, поскакалъ на Дунай. Тутъ начались его побѣды, вслѣдствіе которыхъ имя Суворова прогремѣло не только въ Россіи, но и по всему свѣту.

III.

Первая турецкая война. Суворовъ на Дунаѣ. Взятіе Туртукая. Военная хитрость подъ Гирсовымъ. Побѣда подъ Козлуджи и взятіе турецкаго лагеря. Миръ съ Турціею.

Въ 1771 году, Румянцевъ командовалъ Дунайскою арміею и ознаменовалъ прошедшій 1770 годъ блистательными побѣдами надъ Турками при Ларгѣ и Кагулѣ. Обнадеженная этими побѣдами, Екатерина велѣла Румянцеву спѣшить окончить войну и не медля перейти черезъ Дунай. Но Румянцевъ медлилъ и началъ забирать мелкія дунайскія крѣпости. Турецкая армія ободрилась, перешла на лѣвый берегъ Дуная, и Турки успѣли снова собраться въ огромныхъ силахъ.

Въ это время Суворовъ прибылъ на Дунай. Имя его было уже извѣстно всей арміи и вездѣ носились слухи о странностяхъ и непобѣдимости этого генерала. Напросившійся самъ въ дѣйствующую армію, Суворовъ былъ принятъ довольно холодно и былъ назначенъ въ корпусъ Салтыкова, охранявшій лѣвый берегъ Дуная отъ Турту-

кая до Гирсова. Отрядъ его былъ весьма незначителенъ: онъ состоялъ изъ 2-хъ пѣхотныхъ полковъ, 100 казаковъ и 4-хъ пушекъ. Нѣсколько времени, стоялъ онъ въ бездѣйствіи противъ небольшой крѣпости **Туртукай**; и тутъ онъ увидалъ возможность взять ее и переправиться черезъ Дунай. Корпусный командиръ Салтыковъ далъ ему разрѣшеніе сдѣлать поискъ. Суворовъ прибылъ къ мѣсту переправы, но турецкіе всадники замѣтили движеніе русскихъ войскъ и воспрепятствовали Суворову выполнить его планъ. Онъ просилъ о присылкѣ еще помощи, но вмѣсто помощи прибылъ приказъ Салтыкова: исполнить волю главнокомандующаго—оставить поискъ на Туртукай и не подвергать войско напрасной гибели. Но Суворовъ, вопреки приказа, тотчасъ же распорядился нападеніемъ на крѣпость. Контуженный разрывомъ покинутаго непріятелемъ орудія, съ ружьемъ въ рукахъ, Суворовъ первый вскочилъ въ турецкій редутъ, оттолкнулъ кинувшагося на него бородатаго янычара и закричалъ солдатамъ: «бери его!» Храбро кинулись наши молодцы; Турки бѣжали. Нѣсколько пушекъ, 10 знаменъ, 50 лодокъ были трофеями первой побѣды Суворова надъ Турками. Городъ Туртукай былъ отданъ солдатамъ; имъ досталась столь богатая добыча, что послѣ молебна, они горстями сыпали въ церковную кружку червонцы и серебряную монету. По взятіи крѣпости, Суворовъ донесъ Румянцеву въ двухъ стихахъ:

Слава Богу, слава вамъ:
Туртукай взятъ и я тамъ!

Смѣлый подвигъ Суворова привелъ въ восторгъ всю армію; но главнокомандующій взглянулъ на дѣло иначе; онъ лишилъ Суворова командованія, отдалъ подъ судъ и осудилъ на смерть за ослушаніе. Рѣшеніе военнаго суда было отправлено Императрицѣ на утвержденіе. Больной отъ контузіи, Суворовъ поселился въ Бухарестѣ. Но Турки снова заняли Туртукай и Суворову опять приказано выбить ихъ оттуда, если возможно.

Суворову было все возможно. Онъ былъ такъ слабъ, что его водили подъ руки; но духъ его былъ могучь: выбравъ бурную ночь, онъ съ 2000 двинулся на 8000 Турокъ, укрѣпившихся шанцами, сбилъ ихъ, обратилъ въ бѣгство—и опять весь лагерь и 18 пушекъ остались въ нашихъ рукахъ. Между тѣмъ, на представленіе военнаго суда пришло рѣшеніе Императрицы.—Государыня подписала на приговорѣ: «Побѣдителя не судятъ!» и прислала Суворову крестъ Св. Георгія 2-й степени за храброе и мужественное дѣло.

Видя благоволеніе Императрицы къ Суворову, Румянцевъ измѣнилъ обхожденіе съ нимъ, перевелъ его въ главный корпусъ и поручилъ ему самое опасное дѣло. Ему было велѣно охранять единственное мѣсто, занятое Русскими за Дунаемъ,—**Гирсово.** Въ отрядѣ Суворова было менѣе 2500 человѣкъ; но не смотря на малочисленность отряда, Суворовъ ожилъ и радовался своему назначенію. Тотчасъ же онъ укрѣпилъ Гирсово двумя новыми шанцами. Турки рѣшились, во что бы то ни стало, отнять послѣдній пунктъ, принадлежащій Русскимъ за Дунаемъ. 3-го Сентября къ Гирсову подступило 11 тысячъ Турокъ.

Суворовъ не спалъ всю ночь, ожидая нападенія; дѣйствительно, на утро Турки двинулись къ шанцамъ.

Суворовъ отдалъ приказъ слабо отбиваться и даже бѣжать изъ перваго шанца во второй. Хитрость удалась: Турки подумали, что Русскіе оробѣли и кинулись впередъ, но были встрѣчены картечью изъ скрытой батареи. Турки смѣшались; тогда двѣ скрытыя колонны пѣхоты ударили на нихъ въ штыки съ фланговъ, а конница врубилась въ середину. Бѣгство Турокъ было такъ поспѣшно, что вся артиллерія ихъ досталась Русскимъ, которые преслѣдовали ихъ на 30 верстъ. Янычары сбрасывали съ себя одежду, чтобы легче было бѣжать и спасались полунагіе. Весь непріятельскій корпусъ былъ разсѣянъ. Послѣ этого, Суворовъ, заболѣлъ и получивъ увольненіе, уѣхалъ изъ дѣйствующей арміи; зиму онъ провелъ въ Кіевѣ.

Въ началѣ 1774 года, Суворовъ былъ пожалованъ въ Генералъ-Поручики (тоже, что Генералъ-Лейтенантъ) и Императрица приказала ему снова отправиться къ арміи. Суворовъ получилъ корпусъ, но по приказу Румянцева, долженъ былъ состоять подъ начальствомъ корпуснаго командира Каменскаго, съ которымъ онъ долженъ былъ соединиться.

Суворовъ дѣйствительно соединился съ корпусомъ Каменскаго 8 Іюня. Онъ не успѣлъ стать лагеремъ—около селенія **Козолуджи**, какъ изъ лѣса показались толпы арнаутовъ. Это былъ авангардъ 40 тысячнаго корпуса. Каменскій послалъ свою конницу, но арнауты

опрокинули ее. Суворовъ удержалъ ихъ пѣхотою, но и тутъ Русскіе уступили.

Каменскій не двигался, полагая достаточнымъ, если нападеніе Турокъ будетъ отбито. Суворовъ же, не спросившись приказа своего начальника, повелъ свой корпусъ впередъ. Жара была страшная; солдаты падали отъ изнеможенія; дорога въ лѣсу была такъ узка, что только четверо солдатъ могли итти въ рядъ. Прошли такимъ образомъ семь верстъ и въ долинѣ показались турецкія батареи. Суворовъ ободрилъ солдатъ, стремительно двинулся впередъ, завладѣлъ батареями и направился къ лагерю. Турки защищались ожесточенно: янычары съ кинжалами врывались въ каре и гибли подъ штыками—ничто непомогло; все ихъ войско обратилось въ бѣгство. Солнце было на закатѣ, когда Суворовъ вступилъ въ богатый турецкій лагерь и подарилъ его солдатамъ. 3000 Турокъ было убито, 40 пушекъ и 80 знаменъ достались побѣдителямъ. Только на другой день въ лагерь вступилъ Каменскій съ своимъ корпусомъ. Вся честь и слава этой побѣды принадлежали Суворову, а между тѣмъ награды посыпались на Каменскаго; Суворовъ былъ огорченъ этимъ до глубины души и подалъ въ отставку. Получивъ увольненіе, онъ отправился въ Яссы. Тѣмъ временемъ, окончилась первая турецкая война и въ Іюлѣ 1774 года былъ заключенъ миръ съ Турціею.

Туртукай, Гирсово, Козолуджи показали во всемъ блескѣ воинскія дарованія Суворова. Всѣ войска, начиная съ нижняго чина, видѣли въ немъ героя. Сама

Императрица отличила его отъ прочихъ генераловъ и ни на минуту не оставляла безъ дѣла; онъ былъ вызванъ въ Москву, по повелѣнію Екатерины для усмиренія Пугачовскаго бунта.

IV.

Пугачевскій бунтъ. Поимка Пугачева. Усмиреніе бунта. Празднованіе мира съ Турціею. Женитьба Суворова. Присоединеніе Крыма. Присяга Татаръ Императрицѣ. Суворовъ — полный Генералъ. Безкорыстіе Суворова.

Донской казакъ, Емельянъ Пугачевъ отличался въ семилѣтнюю и турецкую войны своею личною храбростью, такъ что въ 1770 году онъ былъ произведенъ въ есаулы. Черезъ годъ послѣ этого, онъ уличенъ былъ въ кражѣ лошадей, и не желая попасть въ руки правосудія бѣжалъ на Яикъ. Тутъ ему пришла въ голову безумная мысль: не смотря на свою безграмотность, онъ сталъ выдавать себя за умершаго Императора Петра III, пустивши ложные слухи, что онъ пришелъ къ своимъ вѣрнымъ казакамъ, поведетъ ихъ на Москву и сядетъ на престолъ, несправедливо у него похищенный. На призывъ Пугачева откликнулись тысячи: раскольники, бѣглые Русскіе, Киргизы, Башкиры, крѣпостные и дворовые люди и всякая сволочь сбѣжалась къ нему изъ разныхъ сторонъ. Въ 1773 году онъ набралъ до 3000 бродягъ и овладѣлъ Оренбургомъ. Все Поволжье возстало. Вездѣ рѣзали и грабили помѣщиковъ и дво-

рянъ, умерщвляли людей вѣрныхъ Императрицѣ. Противъ него отправлено войско подъ начальствомъ Бибикова. У Пугачева уже было 25 тысячъ войска; Бибиковъ его разбилъ, но пораженіе это еще болѣе увеличило его силы: онъ возмутилъ и разграбилъ Саратовъ, Пензу, Саранскъ и другіе города.

Императрица увидала необходимость принять рѣшительныя мѣры. Для этого она написала собственноручный приказъ Суворову, который, немедля ни минуты, на перекладной поскакалъ на Волгу. Прибывъ въ Царицынъ, Суворовъ принялъ начальство надъ легкимъ отрядомъ; онъ сразу понялъ, что пока самъ Пугачевъ не будетъ поймань, до тѣхъ поръ невозможно потушить возмущенія; по этому Суворовъ старался окружить его шайку.

Преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ, Пугачевъ хотѣлъ бѣжать къ Киргизамъ, но товарищи его, надѣясь испросить себѣ помилованіе, рѣшились предать его. Три казака ворвались въ избу, гдѣ сидѣлъ задумчивый Пугачевъ и послѣ отчаянной борьбы, связали его и повезли въ Уральскъ. Суворовъ заключилъ плѣнника въ желѣзную клѣтку, поставленную на двухколесную телѣгу, и повезъ въ Москву. Во всю дорогу Суворовъ неусыпно слѣдилъ за злодѣемъ, опасаясь какого нибудь внезапнаго нападенія или измѣны. Въ Симбирскѣ сдалъ Пугачева Панину, для доставленія въ Москву, гдѣ злодѣй и былъ казненъ 10 Января 1775 г. Суворовъ же, со ввѣреннымъ ему войскомъ возстановилъ порядокъ и тишину по всему Заволжью.

Въ концѣ того же года, Екатерина праздновала въ Москвѣ миръ, заключенный съ Турками. Всѣ начальники, сражавшіеся въ этой войнѣ были собраны въ древнюю столицу, чтобы принять участіе и въ предстоящемъ торжествѣ. Милости и награды щедро раздавались Императрицею; Суворову была пожалована шпага, усыпанная брилліантами.

По окончаніи празднества, онъ остался по домашнимъ дѣламъ въ Москвѣ. Суворовъ, вообще, не любилъ женщинъ и въ ихъ обществѣ держалъ себя странно, такъ что и женщинамъ въ свою очередь онъ не очень нравился. Однако въ это время престарѣлый отецъ его уговорилъ его жениться на дочери сослуживца своего князя Прозоровскаго. Но супружество это не было счастливо. Не смотря на рожденіе дочери, а потомъ сына, Суворовъ, привыкшій къ боевой и подвижной жизни, не находилъ въ своей семьѣ отрады.

Зимою 1776 года Суворовъ на долго отказался отъ мирной семейной жизни, которая была ему въ тягость и снова началъ прежнее кочевое житье. Послѣ заключенія мира съ Турціею, до второй турецкой войны протекло 12 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ не было военныхъ дѣйствій; но дѣятельность Суворова за это время была до крайности разнообразна. Онъ оказалъ огромную услугу отечеству, присоединивъ къ Россіи, распорядительностію, хитростью и смѣлостью своею, плодоносный Крымъ. Въ то время, населявшіе Крымъ Татары считались независимыми отъ Россіи и имѣли своего правителя—Хана. Но въ средѣ Татаръ начались раздоры

и междоусобія. Ханъ Шагинъ-Гирей просилъ Екатерину прислать на полуостровъ русскія войска, для усмиренія бунтовщиковъ. Это было сильно не по нраву турецкому султану. Весною 1778 года Суворову поручили войска, стоявшія въ Крыму и въ низовьяхъ Днѣпра. Турки стали тайно сноситься съ крымскими Татарами, даже послали къ берегамъ Крыма огромный флотъ; но Суворовъ проникалъ во всѣ ихъ намѣренія и предупреждалъ ихъ во́ время. Онъ ввелъ въ Крымъ еще нѣсколько полковъ и артиллерію. Наконецъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, Суворовъ постепенно подготовилъ окончательное присоединеніе Крыма къ Россіи. Лишенные предводителей, привыкшіе къ русской кроткой власти, Крымцы перестали буйствовать. Суворовъ умѣлъ привлекать ихъ сердца ласковымъ обращеніемъ, шутками, подарками и угощеніями. Заслуги его были оцѣнены Императрицею, которая прислала ему драгоцѣнную золотую табакерку съ ея портретомъ, осыпанными бриллiантами. При первой же своей встрѣчѣ съ Суворовымъ, Екатерина сняла съ себя бриллiантовую звѣзду Александра Невскаго и вручила ему, просивъ принять ее *«въ знакъ памяти объ ея дружбѣ.»*

Лѣтомъ 1783 года, Суворовъ былъ отправленъ въ Херсонъ для переговоровъ съ крымскими Татарами, и крымское царство было торжественно присоединено къ Россіи. 28 Іюля около Ейска, по приказанію Суворова были собраны многочисленныя толпы нагайцевъ. Ханъ ихъ Шагимъ-Гирей торжественно, передъ своими бывшими

подданными, отрекся отъ ханства и передалъ власть русской Императрицѣ. Тутъ же Татары присягнули въ вѣрности новой властительницѣ. Послѣ этого, начался пиръ при пушечной пальбѣ и звукахъ полковой музыки. Труды Суворова были награждены орденомъ Св. Владиміра 1-й степени.

Въ 1785 году, Суворовъ былъ назначенъ командиромъ Петербургской дивизіи. Императрица любила бесѣдовать съ нимъ и совѣтоваться о государственныхъ дѣлахъ. Въ 1786 г. онъ былъ пожалованъ въ Генералъ-Аншефы и посланъ командовать корпусомъ, стоящимъ на Днѣпрѣ около Кременчуга; а на слѣдующій годъ встрѣтилъ въ Кіевѣ Императрицу, прибывшую съ огромной своей и иностранной свитой, для осмотра обширныхъ южныхъ русскихъ владѣній.

Въ 1787 году, Суворову минуло 58 лѣтъ. Онъ казался хилымъ, сгорбленнымъ, съ сѣдыми рѣдкими волосами на головѣ и морщинистымъ лицомъ; но былъ крѣпокъ здоровьемъ, неутомимымъ, ловко ѣздилъ верхомъ и легко переносилъ холодъ, голодъ и безсонницу. Уже въ то время, непобѣдимость его сдѣлалась солдатскимъ и народнымъ повѣрьемъ. Странности его разсказывали какъ диковинку; а молва народная разумѣется преувеличивала ихъ: всѣ знали, что онъ прыгаетъ, поетъ пѣтухомъ, рѣжетъ всѣмъ въ глаза правду-матку; ѣздитъ передъ войскомъ въ дѣдушкиной шинели и проч. Самъ Суворовъ такъ привыкъ къ своимъ причудамъ, что уже и не могъ отказаться отъ нихъ. Безкорыстіе его также не имѣло предѣловъ: въ Полтавѣ, Императрица оста-

лась очень довольна маневрами войскъ и спросила Суворова:

— Какой хотите награды?

— Ничего не надобно, матушка-Царица, отвѣтилъ Суворовъ.

— Нѣтъ, все таки, скажите, чего бы вы желали?

— Если такъ матушка — спаси и помилуй: прикажи отдать за квартиру моему хозяину — покою не даетъ, а заплатить нечѣмъ!

— А развѣ много? спросила Екатерина.

— Много, матушка! три рубля съ полтиною! важно произнесъ Суворовъ.

Государыня засмѣялась, но деньги были выданы и Суворовъ всѣмъ разсказывалъ, что Императрица заплатила за него—слава Богу—всѣ долги. Помилуй Богъ промотался! говорилъ онъ, хорошо что Матушка за меня платитъ, а то бы бѣда!

V.

Вторая турецкая война. Взятіе Кинбурна. Подвигъ мушкетера Новикова. Назначеніе Суворова корпуснымъ командиромъ. Фокшанская побѣда. Пораженіе Турокъ при Рымникѣ. Штурмъ Измаила. Назначеніе Суворова командующимъ войсками; занятія его войсковымъ хозяйствомъ.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ, послѣ заключенія мира съ Турціею, началась вторая *Турецкая война*, славою побѣдъ нашего оружія; далеко затмившая первую. Главнокомандующимъ былъ назначенъ Потемкинъ, но героемъ

этой войны оказался Суворовъ. Здѣсь, въ первый разъ онъ показалъ весь свой военный генiй, утвердилъ молву о непобѣдимости своей и сталъ въ ряду первыхъ полководцевъ того времени. Въ эту войну началась *историческая* жизнь Суворова.

Потемкинъ поручилъ Суворову охраненiе черноморскихъ береговъ. Въ Августѣ 1787 года, онъ принялъ начальство надъ 30 тысячнымъ корпусомъ и черноморскимъ флотомъ. У впаденiя Днѣпра въ море, сѣверный берегъ рѣки принадлежалъ Туркамъ и онъ былъ защищенъ сильною Очаковскою крѣпостью. Съ нашей стороны, противъ Очакова былъ городъ Кинбурнъ, который Суворовъ старался укрѣпить, какъ очень важный сторожевой пунктъ. Здѣсь Суворовъ назначилъ свою главную квартиру. Въ Кинбурнѣ находилось 4 баталiона мушкетеровъ, а за крѣпостью, онъ расположилъ 12 эскадроновъ конницы, 10 эскадроновъ драгунскихъ и 4 казачьихъ полка.

Громадный турецкiй флотъ подплылъ къ Днѣпру, началъ бомбардировать Кинбурнъ. Турки готовились къ высадкѣ. Это было 1-го Октября. Суворовъ спокойно слушалъ обѣдню въ крѣпостной церкви и не велѣлъ стрѣлять въ Турокъ, ожидая прибытiя 10 эскадроновъ, стоявшихъ въ 25 верстахъ отъ Кинбурна.

Турки смотрѣли съ удивленiемъ, что Русскiе имъ не отвѣчаютъ; они начали высаживаться и стали копать траншеи, медленно подвигаясь къ крѣпости. Въ Кинбурнѣ было всего 1,000 человѣкъ пѣхоты и 4 казачьихъ полка. Суворовъ только и расчитывалъ на внезап-

ность удара: вдругъ съ крѣпости загремѣли всѣ пушки, выступила пѣхота и ударила въ штыки, а казаки кинулись съ фланговъ. Турки были смяты и отступали въ траншею; позади ихъ было море, дальнѣйшее отступленіе было невозможно; тогда они съ дикимъ воплемъ, съ кинжалами въ рукахъ кинулись впередъ и погнали Русскихъ. Увидавъ это, Суворовъ бросился впередъ и закричалъ: «Ребята, выручайте! за мной!» Ядромъ оторвало морду его лошади, онъ упалъ. Турки кинулись на него. Солдаты закричали: «Братцы, спасайте генерала!» Мушкетеръ *Новиковъ* пронзилъ штыкомъ Турка, уже занесшаго саблю на Суворова. Турки были снова сбиты, но они въ третій разъ сдѣлали нападеніе, страшнѣе первыхъ двухъ. Окружавшіе Суворова были перебиты. Онъ самъ былъ раненъ пулею въ лѣвую руку, такъ что вынужденъ былъ удалиться въ крѣпость, истекая кровью. Тутъ онъ обмылъ рану, перевязалъ ее, перевернулъ рубашку и надѣлъ ее сухимъ рукавомъ на рану. «Помогло, помилуй Богъ, помогло!» кричалъ онъ и тотчасъ же вернулся на поле битвы. Бой былъ рукопашный; Турки тѣснили и гнали Русскихъ—дѣло погибало, но давно ожидаемые 10 эскадроновъ конницы налетѣли на выручку. Суворовъ ударилъ съ ними на врага. Турковъ погнали, били, топили въ море. Изъ 6000 человѣкъ, вышедшихъ на Кинбурнскую косу спаслось едва 700 и кромѣ того, 600 было взято въ плѣнъ.

За эту побѣду, Императрица изъявила ему благодарность собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ она писала, что молитъ Бога, объ изцѣленіи его ранъ.

Этотъ подвигъ Суворова прославленъ солдатскою пѣснью, которая долго пѣлась въ русской арміи:

«Наша Кинбурнска коса
Вскрыла первы чудеса».

Объ этомъ дѣлѣ Суворовъ писалъ дочери своей:

«У насъ была драка посильнѣе той, когда вы другъ друга за уши дерете. И какъ мы танцовали: въ боку картечи, на рукѣ отъ пули дырочка, да подо мною лошади мордочку оторвало! то-то была комедія—насилу черезъ восемъ часовъ съ театра отпустили! Я только что воротился, проѣздилъ 500 верстъ верхомъ. А какъ у насъ весело: на морѣ поютъ лебеди, утки и кулики; на поляхъ жаворонки, синички, ласточки; а въ водѣ стерляди да осетры—пропасть! Прости мой другъ Наташа! Знаешь ли, что Матушка Государыня пожаловала мнѣ Андреевскую ленту—за вѣру и вѣрность?»

На слѣдующій годъ, Потемкинъ началъ осаду крѣпости Очакова. Суворову поручено было лѣвое крыло войска, осаждавшаго крѣпость. Въ одной изъ вылазокъ Турокъ, Суворовъ былъ жестоко раненъ; пуля прошла сквозь шею и остановилась въ затылкѣ. Когда вырѣзали пулю, то доктора отчаявались въ жизни Суворова. А тѣмъ временемъ, работали враги Суворова: они успѣли представить Потемкину различныя его дѣйствія въ самомъ дурномъ видѣ; такъ что Суворовъ, нежелая впасть въ немилость Императрицы, просилъ увольненія; онъ оставилъ армію, уѣхавши въ Кременчугъ. Очаковъ былъ взятъ уже послѣ его отъѣзда.

Единственымъ утѣшеніемъ его, въ то время, была переписка съ дочерью. Страдая отъ ранъ и душевной скорби, Суворовъ не переставалъ шутить въ письмахъ

съ нею. Онъ ее называлъ не иначе, какъ *Суворочкой* (*). Вотъ образчикъ его переписки:

«Ай, да охъ! какъ подчивались—бросались свинцовымъ горохомъ желѣзными кеглями, съ твою голову величиною. Такія у насъ были длинныя булавки, да ножницы кривыя и прямыя—рука не попадайся, тотчасъ отхватятъ, да и голову отрѣжутъ! Кончилось иллюминаціей и фейерверкомъ, и съ пира турки ушли—ой! далеко—богу по своему молиться. Только—больше ничего нѣтъ, да и то заврались съ тобой! Прости, душа моя!»

Императрица понимала всѣ заслуги Суворова и признавала въ немъ великія воинскія дарованія. Когда ей старались наговорить на Суворова, она молчала или съ досадою отвѣчала: «перестаньте мнѣ говорить о Суворовѣ». И въ доказательство благоволенія къ нему, вызвала его въ Петербургъ, обласкала и дала награду за Кинбурнъ: бриліантовое перо на каску съ изображеніемъ буквы *К*. (Кинбурнъ.)

Въ это время, Турки вели войну съ Австрійцами и одержали надъ ними нѣсколько побѣдъ, даже двигались уже на Вѣну, столицу Австріи. Ободренные успѣхами, они весною 1788 года начали компанію и противъ Русскихъ.

Суворовъ былъ снова назначенъ корпуснымъ командиромъ въ дѣйствующую армію. Противъ главной арміи великаго визиря, состоявшей изъ 100.000 войска, посланы были два корпуса: первый—Суворова, и второй—австрійскій корпусъ принца Кобургскаго. Такимъ образомъ на долю Суворова падало главное дѣло въ эту

(*) Дочь его кончала курсъ наукъ въ Институтѣ — въ Смольномъ монастырѣ.

кампанію; онъ тотчасъ же понялъ важность своего назначенія. Товарищъ его, принцъ Кобургскій, былъ робокъ и медлителенъ, но превосходной души и мягкаго характера; Суворовъ сблизился съ нимъ и вошелъ въ дружбу. По его распоряженію, принцъ Кобургскій перешелъ на правую сторону рѣки Серета. 40 тысячный корпусъ турецкій перешелъ черезъ Дунай и двинулся на принца. Принцъ просилъ Суворова скорѣе прислать помощь. Въ полторы сутки Суворовъ сдѣлалъ 80 верстъ и уже войска его соединились съ Австрійцами, но онъ не велѣлъ имъ говорить, что и онъ самъ прибылъ. На другой день рано утромъ, приказалъ ударить сборъ и безъ объясненій — выступать. Прошли еще 80 верстъ и встрѣтили 40 тысячный непріятельскій корпусъ, расположенный лагеремъ подъ **Фокшанами.** Соединенныхъ силъ Русскихъ и Австрійцевъ было 25 тысячъ. Не останавливаясь, Суворовъ велѣлъ идти впередъ; открылъ жестокую пальбу и, сблизившись на 300 шаговъ съ непріятелемъ, ударилъ въ штыки. До 2000 Турокъ было убито. Остальная часть корпуса разсѣялась и бѣжала къ Рымнику и Браилову; лагерь съ 16 знаменами и 12 пушками достался побѣдителямъ. Суворовъ и принцъ Кобургскій обнялись на полѣ битвы, выигранной, благодаря распорядительности нашего полководца и летучей быстротѣ и храбрости его войска.

Послѣ спрашивали Суворова, почему онъ не хотѣлъ видѣться съ принцемъ до сраженія, соединившись уже съ нимъ? « Нельзя было! отвѣчалъ Суворовъ: онъ умный, онъ храбрый. Мы заспорили бы, какъ намъ дѣйствовать

противъ непріятеля, а Турки рѣшили бы споръ тѣмъ, что разбили бы насъ! Вмѣсто того — *Ура, съ нами Богъ!* и спорить было нѣкогда!»

Послѣ Фокшанской побѣды, корпуса Суворова и принца Кобургскаго заняли прежнія свои мѣста. Одно имя Суворова начинало наводить страхъ на Турокъ и на ихъ начальниковъ.

Однако великій визирь узналъ, что корпусъ Суворова очень малочисленепъ и захотѣлъ отомстить ему за Фокшанскую побѣду.

6-го Сентября, принцъ Кобургскій извѣстилъ Суворова, что вся турецкая армія, въ 100.000 человѣкъ, идетъ па него; онъ писалъ — «Спасите насъ!» Суворовъ отвѣтилъ ему однимъ словомъ: «Иду»! и выступилъ въ полночь самымъ усиленнымъ маршемъ. Сблизившись съ принцемъ, тотчасъ освѣдомился о положеніи непріятеля. Главная армія визиря стояла на рѣкѣ **Рымникѣ,** въ лѣво находился авангардъ въ 12.000, а между ними 15.000 янычаръ. Русскихъ и Австрійцевъ было всего 25.000. Суворовъ предложилъ идти и разбить непріятеля; принцъ Кобургскій ужаснулся; но Суворовъ двинулъ войско и въ ночь сдѣлалъ 28 верстъ.

Рано утромъ, почти не давая отдыха войскамъ, онъ устроилъ армію свою шахматомъ, изъ двухъ линій пѣхотныхъ каре, а конницу поставилъ сзади и тотчасъ же напалъ на турецкій авангардъ. Турки были захвачены въ расплохъ и въ страхѣ бѣжали. Изъ главнаго лагеря, визирь, то и дѣло, присылалъ подкрѣпленія—сначала 15.000, а потомъ еще 20, съ которыми самъ выѣхалъ

въ каретѣ, такъ какъ былъ болѣнъ. 40 тысячъ турокъ, устроившись, двинулись въ атаку на Австрійцевъ; принцъ Кобургскій въ точности исполнялъ приказы Суворова: онъ отстрѣливался картечью и отражалъ штыками нападенія янычаръ. Шесть разъ бросались Турки,—и все безуспѣшно. Но и Австрійцамъ приходилось плохо: принцъ посылалъ адъютанта за адъютантомъ къ Суворову, спрашивая что дѣлать? «Держаться!» отвѣчалъ герой; «я все вижу!» и далъ своимъ войскамъ часъ отдыха. Потомъ, мгновенно ввелъ въ бой всю линію русскихъ войскъ и составилъ съ Австрійцами прямой уголъ; тутъ, онъ быстро ударилъ во флангъ непріятеля. Великій визирь позабылъ свою болѣзнь, пересѣлъ на лошадь, уговаривалъ бѣгущихъ, велѣлъ даже стрѣлять по нимъ; но все напрасно!

Наши ломили страшно, не давали врагу опомниться; Турки не слушались болѣе своихъ начальниковъ, постыдно бѣжали по всѣмъ направленіямъ, смѣшивались съ шедшими изъ-за рѣки на помощь и сбивали другъ друга. Визирь въ отчаяніи бѣжалъ. Суворовъ же шолъ по пятамъ бѣгущихъ; картечь и конница довершала пораженіе и вечеромъ наши и Австрійцы вступали въ турецкій лагерь. Даже палатка визиря, разшитая золотомъ, досталась побѣдителямъ. Кромѣ богатой добычи и запасовъ, былъ взятъ весь турецкій обозъ, 100 знаменъ и 80 пушекъ. Такъ совершилась знаменитая *Рымникская* побѣда. Екатерина наградила своего генерала по царски: Она пожаловала ему орденъ Св. Георгія 1-й степени, брилліантовые знаки Андрея Перво-

званнаго и графское достоинство съ названіемъ *Рымникскаго.*

Вскорѣ послѣ этого, Австрійцы заключили миръ съ Турціею. Съ горестью простился съ Суворовомъ принцъ Кобургскій, выступая изъ Валахіи. Онъ говорилъ, что никого въ жизни такъ не уважалъ, какъ Суворова; онъ полюбилъ его горячо и какъ героя, и какъ человѣка.

Суворову приказано было также отступить, чтобы не подвергать войска опасности. Этотъ приказъ сильно его опечалилъ. «Впередъ-бы надо! помилуй Богъ впередъ! повторялъ онъ: въ Царьградъ, взять отоманскую столицу и съ разу покончить съ Турками!»

Между тѣмъ, по приказанію Потемкина, Русскіе осаждали Измаилъ; но осада эта тянулась долго; осаждавшіе крѣпость генералы донесли Потемкину, что въ настоящемъ году невозможно взять Измаилъ. Тогда главнокомандующій послалъ приказъ Суворову: «взять Измаилъ! или снять осаду, по его усмотрѣнію».

Но въ дѣлѣ съ врагомъ у Суворова было всегда одно усмотрѣніе: онъ рѣшился *взять* крѣпость, считавшуюся неприступною. Да и солдаты, узнавъ о прибытіи Суворова, пылали нетерпѣніемъ идти впередъ!

Измаилъ имѣлъ въ окружности 10 верстъ. Крѣпость, построенная въ видѣ трехугольника съ одной стороны примыкала къ Дунаю и ограждалась высокою каменною стѣною, съ другихъ двухъ сторонъ былъ земляной валъ въ 4 сажени вышиною, и ровъ въ 7 саженъ глубины. Измаилъ охраняло 40 тысячъ гарнизона и 250 пушекъ. Турки надѣялись на несокрушимость своей твердыни.

Весь осадный корпусъ Суворова состоялъ изъ 28 тысячъ человѣкъ, значительно ослабленныхъ отъ передвиженій по грязи и холоду. Но одно имя Суворова точно переродило всѣхъ. На военномъ совѣтѣ положено единодушно: «*Штурмовать Измаилъ; блокада—безполезна; спрашивать повелѣній не нужно; отступать предосудительно.*» Когда приговоръ этотъ былъ утвержденъ, Суворовъ воскликнулъ:

— «Хорошо! помилуй Богъ, хорошо. Сегодня молиться, завтра учиться, послѣ завтра — побѣда или смерть!»

Къ коменданту крѣпости послано требованіе о сдачѣ. Онъ совѣтывалъ Русскимъ убираться по скорѣе, чѣмъ умирать съ холоду и голоду подъ неприступными стѣнами и отвѣтилъ, что скорѣе небо упадетъ на землю, чѣмъ Измаилъ сдастся.

Тогда наши войска начали готовить фашины и лѣстницы. Самъ Суворовъ училъ, какъ ставить лѣстницы и лѣзть на стѣны. Все было готово. Наступила темная ночь. Войско было раздѣлено на три отдѣленія, въ каждомъ по три колонны. Каждому начальнику былъ данъ самый точный приказъ, какъ ему дѣйствовать. Всю ночь никто не спалъ. Полки подвигались впередъ. Суворовъ объѣзжалъ войска на казацкой лошадкѣ, разговаривая съ офицерами и ободряя солдатъ. Въ три часа взлетѣла ракета,—всѣ взялись за оружіе; въ четыре другая — построились: въ пять третья — и сразу колонны, какъ волны, двинулись къ Измаилу. Со стѣнъ раздались выстрѣлы. Охотники перешли рвы и

устремились на крѣпостной валъ подъ губительнымъ огнемъ непріятеля. Бросивъ лѣстницы, солдаты лѣзли безъ нихъ, втыкая въ валъ штыки. Огонь непріятеля свирѣпѣлъ. Въ одномъ мѣстѣ, Русскіе дрогнули; но среди нихъ явился священникъ съ крестомъ въ рукѣ, ободрилъ отступающихъ и лично повелъ ихъ на штурмъ. И уже ничто немогло устоять противъ мужества храбрыхъ— въ 8 часовъ утра, крѣпость была взята; но въ городѣ предстояла еще болѣе страшная битва: каждая улица, каждый домъ брались приступомъ. Въ отчаяніи сражались даже женщины. Ничто не помогло: городъ былъ взятъ, 23 тысячи Турокъ убито, въ числѣ ихъ до 60 пашей. Съ нашей стороны выбыло изъ строя до 10 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ до 400 офицеровъ. Добыча войску досталась несмѣтная, такъ какъ все имущество Турокъ изъ окружныхъ городовъ и селеній было свезено въ Измаилъ, считавшійся непобѣдимымъ. Знаменъ взято 595 и пушекъ 232.

Взятіе Измаила—подвигъ неслыханный и неимѣвшій примѣра до того времени. Подвигъ этотъ озарилъ имя Суворова міровою славой. Въ Измаилѣ не только взята крѣпость, но истреблена и 40 тысячная армія. Знаменитый поэтъ того времени—Державинъ такъ описалъ штурмъ Измаила:

Везувій (*) пламя изрыгаетъ,
Столпъ огненный во тмѣ стоитъ,
Багрово зарево сіяетъ,
Дымъ чорнымъ клубомъ вверхъ летитъ;

(*) Везувій—огнедышащая гора въ Италіи.

Блѣднѣетъ Понтъ, (*) реветъ громъ ярый,
Ударамъ вслѣдъ гремятъ удары;
Дрожитъ земля, дождь искръ течетъ,
Клокочутъ рѣки рдяной лавы—
О Россъ! таковъ твой образъ славы,
Что зрѣлъ подъ Измаиломъ свѣтъ!...

Суворовъ донесъ Императрицѣ: «Гордый Измаилъ у ногъ Вашего Величества»!

Въ Январѣ слѣдующаго года, Суворовъ былъ вызванъ въ Петербургъ и Императрица пожаловала его въ подполковники гвардіи Преображенскаго полка. (**). Въ Іюлѣ того же года, былъ заключенъ миръ съ Турціей.

При празднованіи заключенія этого мира, Екатерина пожаловала Суворову бриліантовые эполеты, перстень и крестъ Георгія 3-й степени «да возложитъ лично на отличившагося наиболѣе храбростью».

Суворовъ не былъ оставленъ безъ-дѣла. Императрица назначила его сначала командующимъ войсками въ Финляндіи; а потомъ, ему приказано принять подъ начальство войска, расположенныя въ Екатеринославской губерніи. Суворовъ скучалъ, занимаясь внутреннимъ устройствомъ войска и войсковымъ хозяйствомъ. Тутъ, онъ строго преслѣдовалъ лихоимство въ войскахъ, за что понятно нашлись у него и новые враги. Особенно не любилъ онъ госпиталей и часто говаривалъ: «не терплю, госпиталей. Тотъ ихъ любитъ, кто не радѣетъ

(*) Понтъ—Черное Море.

(**) Подполковниковъ гвардейскихъ всего было одиннадцать — самыхъ знатныхъ и заслуженныхъ генераловъ.

о здоровьи солдатъ. Въ госпитали слѣдуютъ у меня чахотка, водяная, камень и скверная болѣзнь, а остальное должно лежать въ артеляхъ. Кислая капуста, табакъ, хрѣнъ—и нѣтъ болѣзни. Изъ больныхъ переводить въ хворые, изъ нихъ — въ слабые, изъ сихъ въ прохладные, а тамъ въ роту—и солдатъ здоровъ! У меня правило: въ полку отъ 8 до 10 больныхъ, а если больше—свидѣтельство—и виноватъ!»

Ни на минуту не оставлялъ Суворовъ своихъ мирныхъ служебныхъ занятій. Безпрестанно дѣлалъ маневры; лѣтомъ, самъ скакалъ съ войсками во весь опоръ, безъ мундира, въ ботфортахъ и солдатской каскѣ. Солдаты его боготворили. О всѣхъ ихъ нуждахъ онъ заботился такъ, какъ отецъ заботится о родныхъ своихъ дѣтищахъ. Развивая въ войскахъ смѣлость, отвагу и любовь къ дорогой роднѣ и Царскому Престолу, Суворовъ подготовлялъ своихъ богатырей для будущихъ побѣдъ.

VI.

Польское возстаніе. Успѣхи Косцюшко. Назначеніе Суворова Главнокомандующимъ. Взятіе Кобрина; побѣда надъ Сѣраковскимъ. Плѣнъ Косцюшко. Штурмъ Праги. Взятіе Варшавы. Суворовъ—Фельдмаршалъ. Раздѣлъ Польши. Торжество Суворова.

Въ 1793 году въ Польшѣ царствовалъ Король Станиславъ. Въ слѣдствіе безпрестанныхъ смутъ, въ народѣ и при дворѣ, Польшу занимали прусскія и русскія войска. Варшаву стерегъ русскій гарнизонъ. Поляки

хотѣли избавиться отъ иноземныхъ войскъ и возстали. Искусный военоначальникъ—Косцюшко принялъ начальство надъ ними. Онъ сформировалъ войско, изобрѣлъ новое вооруженіе пѣхоты, устроилъ сильную конницу и артиллерію, разбилъ прусскія королевскія войска и вступилъ въ Варшаву. Тамъ, въ ночь съ 6 на 7 Апрѣля 1794 года, Поляки перерѣзали 2.000 русскихъ солдатъ, безоружныхъ и сонныхъ и кромѣ того до 1.500 человѣкъ взято въ плѣнъ. Остальной гарнизонъ русскій успѣлъ выйти изъ Варшавы. Имя Косцюшки прогремѣло по всей Польшѣ, а затѣмъ возстала Вильна и вся Литва.

Императрица, встревоженная этими вѣстями, призвала снова Суворова на поле брани. Суворову было тогда 64 года; но бодрость и живость его не измѣнились: неутомимость его была удивительна. Во все время польскаго похода при немъ не было экипажа, а ѣхалъ онъ постоянно верхомъ впереди войска. Узнавъ, что идетъ Суворовъ, Поляки встревожились и оробѣли: многіе даже не вѣрили, что это былъ тотъ самый Суворовъ, который взялъ Измаилъ, и говорили, что это другой,— молодой генералъ, племянникъ его. Страхъ предшествовалъ герою и приготовлялъ ему побѣду.

Въ эту кампанію никто не стѣснялъ дѣйствій Суворова; онъ былъ главнокомандующимъ и ему предоставлена полная свобода распоряжаться. А планъ его былъ отваженъ.

Прежде всего, онъ рѣшилъ усмирить возстаніе въ Литвѣ. Въ Августѣ, съ 8 тысячами человѣкъ, онъ вы-

ступилъ изъ Немирова, по дорогѣ присоединилъ еще къ себѣ 4 тысячи войска; въ семь дней прошелъ 329 верстъ. Взялъ Кобринъ, Брестъ, Тирасполь и разбилъ 17-ти-тысячный корпусъ Сѣраковскаго. Этимъ пораженіемъ, онъ сразу уничтожилъ возстаніе въ Литвѣ. Екатерина пожаловала ему за эти побѣды брилліантовую петлицу на шляпу и подарила три пушки изъ числа взятыхъ у непріятеля.

Распорядясь очищеніемъ Литвы, Суворовъ учредилъ главную квартиру въ Брестѣ, и посылалъ для развѣдокъ легкіе отряды.

Тѣмъ временемъ, Косцюшко замышлялъ смѣлое предпріятіе. Онъ хотѣлъ соединить войска Литвы и Варшавы, броситься на русскій корпусъ Ферзена, а потомъ и на Суворова. Но планъ не удался: войско Ферзена окружило со всѣхъ сторонъ Косцюшко. Онъ окопался укрѣпленіями и отчаянно бился съ нападавшими на него Русскими. Всюду искалъ онъ смерти, видя что Поляки не могли болѣе держаться и начали спасаться бѣгствомъ.

Раненый Косцюшко былъ взятъ въ плѣнъ и падая съ лошади воскликнулъ: *конецъ Польшѣ!*

Когда Суворову донесли о разбитіи и плѣнѣ Косцюшки, онъ тотчасъ же измѣнилъ планъ своихъ дѣйствій: приказалъ не преслѣдовать болѣе Поляковъ, а двигаться прямо къ Варшавѣ. Онъ зналъ, что вѣсть о плѣнѣ Косцюшки наведетъ ужасъ и уныніе на польскія войска и рѣшился не терять времени, чтобы не дать возможности опомниться Полякамъ.

Въ Октябрѣ, Суворовъ съ 22-хъ тысячнымъ отрядомъ подошелъ къ Варшавѣ. Поляки рѣшились биться на смерть, зажечь свою столицу и умереть на ея развалинахъ. Смерть—легче безчестія! кричали они, положивъ защищаться до послѣдней крайности. Весь гарнизонъ изъ Варшавы перевели въ Прагу—предмѣстье Варшавское, отдѣленное отъ города только рѣкою Вислою. Даже старики и женщины вооружались и шли въ Прагу. Тутъ засѣло 30 тысячъ Поляковъ на жизнь и смерть.

Укрѣпленіе Праги состояло изъ крѣпостнаго вала, съ глубокимъ рвомъ и волчьими ямами. Сто пушекъ защищали это укрѣпленіе.

Суворовъ потребовалъ сдачи Праги и полной покорности. Послѣдовалъ отказъ.

Три дня Суворовъ не предпринималъ ничего, все ожидая просьбы о пощадѣ; а Поляки думали, что Суворовъ колеблется. Но 22 Октября грохотъ барабановъ возвѣстилъ о приближеніи Русскихъ. Защитники Праги бросились къ оружію; со стѣнъ загремѣли пушки; но Русскіе остановились и стали располагаться лагеремъ. Тѣмъ временемъ Суворовъ лично осматривалъ мѣстоположеніе и дѣлалъ распоряженія. На другой день войску было велѣно *идти на приступъ*.

Русское войско было раздѣлено на семь колоннъ съ резервами у каждой. Отданъ былъ слѣдующій знаменитый приказъ:

1-е. Взять штурмомъ Прагскій ретраншементъ, и для того:

2-е. На мѣстѣ, полки устроить въ колонну по-ротно. Охотники съ своими начальниками станутъ впереди колонны, съ ними рабочіе. Они понесутъ плетни, для закрытія волчьихъ ямъ предъ вражескимъ укрѣпленіемъ, фашинникъ,—для закидки рва, лѣстницы, чтобы лѣзть изъ рва чрезъ валъ. Людямъ съ шанцовымъ инструментомъ быть подъ началомъ особыхъ офицеровъ и стать на правомъ флангѣ колоннъ. У рабочихъ ружья чрезъ плечо на погонномъ ремнѣ. Съ ними егеря, Бѣлорусцы и Лифляндцы; они у нихъ направо.

3-е. Когда пойдемъ, воинамъ идти въ тишинѣ, не говорить ни слова, не стрѣлять.

4-е. Подошедъ къ укрѣпленію, кинуться впередъ быстро; по приказу кричать: «ура!...».

5-е. Подошли ко рву,—ни секунды не медля, бросай въ него фашинникъ, спускайся въ него и ставь къ валу лѣстницы. Охотники стрѣляй врага по головамъ.— Шибко, скоро, пара за парой лѣзь! Коротка лѣстница—штыкъ въ валъ, лѣзь по немъ, другой, третій, товарища обороняй! Ставши на валъ, опрокидывай штыкомъ непріятеля — и мгновенно стройся за валомъ.

6-е. Стрѣльбой не заниматься; безъ нужды не стрѣлять; бить быстро, храбро, скоро, по-русски! Держаться своихъ къ срединѣ; отъ начальниковъ не отставать—вездѣ фронтъ.

7-е. Въ дома не забѣгать; безоружныхъ не убивать; съ бабами не воевать; непріятеля, просящаго пощады—щадить; малолѣтковъ не трогать.

8-е. Кого изъ насъ убьютъ—царство небесное! Живымъ—слава, слава, слава!».

Приказъ этотъ прочли три раза передъ войскомъ.

Наступила темная ночь на 24 Октября. Въ два часа безмолвно выступили войска. Въ пять часовъ зашипѣла ракета и колонны двинулись. Загремѣли пушки. На валахъ скоро началась рукопашная битва. Суворовъ, стоя на высокомъ холмѣ, распоряжался штурмомъ. Ночь освѣтилась заревомъ; загорѣлся мостъ черезъ Вислу; Полякамъ отступать было некуда. Пушки съ вала были сбиты. Кровопролитіе продолжалось внутри укрѣпленія. Все смѣшалось въ дымѣ, стонахъ, при громѣ барабановъ, пушекъ и набата. Взорвало пороховой погребъ,—Прага загорѣлась. На всѣхъ пунктахъ Поляки были разбиты. Къ девяти часамъ остались однѣ дымящіяся развалины, загроможденныя обгорѣлыми трупами и ранеными. Пораженіе Поляковъ было ужасно: 13 тысячъ убито, болѣе 2 тысячъ спасавшихся по ту сторону рѣки, потонули; до 2.000 взято въ плѣнъ, 204 пушки достались русскимъ, у которыхъ выбыло изъ строя до 2 тысячъ человѣкъ.

Плѣннымъ польскимъ офицерамъ, Суворовъ возвратилъ шпаги. На ночь ему раскинули въ Прагѣ калмыцкую кибитку, въ которой онъ въ первый разъ заснулъ послѣ двухъ безсонныхъ ночей.

На другой день изъ Варшавы прибыли депутаты съ покорностью. Суворовъ сидѣлъ на обрубкѣ бревна, другой служилъ ему столомъ. Покой и миръ! воскликнулъ онъ, бросая свою саблю и ласково встрѣчая де-

путатовъ. Не ожидавшіе такого пріема, они заплакали. Суворовъ дружески говорилъ съ ними, шутилъ, и отпустивъ, приказалъ очищать Прагу и отпускать жителей и плѣнныхъ на честное слово не сражаться противъ Русскихъ.

Остальное войско, спасшееся изъ Праги въ Варшаву, выступило и Варшава покорилась Суворову безусловно; все оружіе, даже изъ оружейныхъ лавокъ, арсеналы были сданы Русскимъ.

29 Октября торжественно, при звукѣ музыки, вступали Русскіе въ Варшаву. Суворовъ ѣхалъ верхомъ, окруженный своимъ штабомъ. Онъ былъ безъ орденовъ, на тощей казацкой лошадкѣ. У моста правители города поднесли хлѣбъ-соль и серебряные, вызолоченные ключи города. Находившіеся въ плѣну съ самаго начала возстанія Русскіе были тотчасъ же выпущены изъ тюремъ, гдѣ они втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ томились въ заточеніи. Многіе изъ нихъ падали на колѣни передъ Суворовымъ и цѣловали его руку; онъ обнималъ ихъ со слезами.

О взятіи Варшавы, Суворовъ донесъ Екатеринѣ слѣдующими словами:

«Всемилостивѣйшая Государыня! Ура! Варшава наша!»

Государыня отвѣтила также тремя словами: «Ура! *Фельдмаршалъ* Суворовъ.»

Императоръ Австрійскій и Король Прусскій прислали ему драгоцѣнные подарки и ордена. Чинъ Фельдмаршала его особенно порадовалъ потому, что тогда въ Рос-

сіи было только два Фельдмаршала: графъ Разумовскій и Румянцевъ. Сама Императрица писала ему: «мое правило—никого не производить не въ очередь, но вы завоевали чинъ Фельдмаршала въ Польшѣ.»

Послѣ взятія Варшавы, остальныя польскія войска разсѣянныя по всей Польшѣ, сами расходились по домамъ или складывали оружіе. Возстаніе было усмирено; Король отрекся отъ престола и участь Польши была рѣшена. Она была раздѣлена и одна ея часть присоединена подъ скипетръ Россіи. Едва кончился раздѣлъ, въ концѣ 1795 года, Суворовъ былъ вызванъ изъ Польши въ Петербургъ.

Поѣздка Фельдмаршала изъ Варшавы въ Петербургъ была длиннымъ рядомъ приготовленныхъ ему по дорогѣ торжественныхъ встрѣчъ и праздниковъ. Онъ всячески избѣгалъ этого, но всюду встрѣчали его губернаторы, войско и граждане съ хлѣбомъ-солью. Народъ по нѣсколько дней въ полѣ ждалъ его пріѣзда и едва показывался его экипажъ, въ воздухѣ раздавались радостные клики крестьянъ: «Ура! ура! Суворовъ!»...

— Помилуй Богъ! Помилуй Богъ! они уморятъ меня! говорилъ Суворовъ и плакалъ отъ радости.

Въ Петербургѣ ему готовилась торжественная встрѣча. Придворныя кареты привезли его прямо въ зимній дворецъ. При дворѣ начались празднества, на которыхъ Суворовъ былъ самымъ почетнымъ гостемъ.

Въ это же время, онъ отпраздновалъ свадьбу своей дочери, своей дорогой *Суворочки*, уже вышедшей изъ

Смольнаго монастыря и пожалованной Императрицею въ фрейлины.

Для жительства, Суворову былъ отведенъ Таврическій дворецъ. Но и среди всѣхъ почестей, которыми осыпала его Императрица, онъ не измѣнялъ ни своихъ странностей, ни своихъ привычекъ. Онъ поселился въ маленькой комнаткѣ, спалъ по прежнему на сѣнѣ, все больше сидѣлъ дома и отказывался отъ приглашеній на праздники, которые устроивались въ честь его разными царедворцами.

Въ то время еще болѣе стали разсказывать анекдотовъ о его странностяхъ и причудахъ. Не смотря на холодную зиму, Суворовъ по прежнему ѣздилъ безъ шубы. Императрица замѣтила ему, что онъ не бережетъ своего здоровья и прислала ему въ подарокъ дорогую, соболью шубу. Суворовъ поблагодарилъ за подарокъ и каждый разъ, когда ѣхалъ во дворецъ, сажалъ съ собою въ карету слугу, который держалъ шубу на рукахъ. При выходѣ же изъ кареты, онъ надѣвалъ ее и снималъ въ пріемной.

— Не смѣю ослушаться Императрицы, говорилъ Суворовъ: шуба со мною, а нѣжиться солдату не хорошо!

Не смотря на замкнутую жизнь Суворова, Императрица часто требовала его къ себѣ во дворецъ и въ кабинетѣ проводила съ нимъ цѣлые вечера. Она совѣтывалась и разсуждала съ нимъ о важныхъ государственныхъ дѣлахъ.

VII.

Объявленіе республики во Франціи. Смерть Екатерины. Вступленіе на престолъ Императора Павла. Преобразованія въ арміи. Прощаніе Суворова съ арміей. Жизнь его въ деревнѣ. Вызовъ въ Петербургъ. Анекдоты про Суворова. Отправленіе его въ Вѣну и назначеніе Главнокомандующимъ союзныхъ войскъ.

Въ 1796 году во Франціи случился государственный переворотъ: объявлена была республика; она сдѣлалась грозною для всѣхъ государствъ Европы. Юный въ то время Наполеонъ Бонапарте принялъ начальство надъ французскими войсками, вступилъ въ Италію, объявивъ войну Австріи.

Екатерина хотѣла пресѣчь зло въ самомъ началѣ; нельзя было медлить. Она заключила союзъ съ Англіей и Австріей противъ Франціи. 80 тысячъ русскихъ было готово въ походъ; Суворовъ назначенъ Главнокомандующимъ арміею. Главная квартира его была въ Тульчинѣ на Днѣстрѣ. Тутъ встрѣтилъ онъ старыхъ товарищей и сослуживцевъ, съ которыми онъ сражался въ Турецкую и Польскую кампаніи. Лѣтомъ осмотрѣлъ онъ свое войско и только ожидалъ изъ Петербурга приказанія двинуться за границу. Но, вмѣсто приказа идти впередъ, онъ получилъ приказъ расположиться на зимнихъ квартирахъ. Вскорѣ разнеслась вѣсть, опечалившая всю Россію: Екатерина скончалась 6-го Ноября 1796 года. Суворовъ плакалъ, какъ ребенокъ.

На престолъ вступилъ Императоръ Павелъ I-й. Онъ тотчасъ же занялся разными преобразованіями въ вой-

скахъ; измѣнены были—одежда, вооруженіе, ученіе, раздѣленіе полковъ и вообще многіе прежніе порядки.

Нововведенія эти были не по душѣ Суворову: вѣрный поборникъ истины, онъ рѣшился смѣло сказать правду Монарху. Мнѣнія Суворова были переданы въ Петербургъ въ превратномъ видѣ; недоброжелатели не щадили геніальнаго старика и наконецъ добились своего: въ Январѣ 1797 года у Суворова было отнято командованіе корпусомъ, а онъ вышелъ въ отставку.

Повинуясь волѣ Государя, Суворовъ отъѣзжая изъ арміи, простился съ своими товарищами-солдатами. Любимый его полкъ Фанагорскій былъ выстроенъ на площади въ Тульчинѣ. Онъ подошелъ къ полку въ фельдмаршальскомъ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ и простился, увѣщевая солдатъ быть вѣрными Государю, службѣ и присягѣ. Потомъ, снялъ съ себя ордена, положилъ ихъ на барабанъ и проговорилъ: «Прощайте, ребята, товарищи, чудо-богатыри! Оставляю здѣсь все, что заслужилъ съ вами. Молитесь Богу! Не пропадетъ молитва за Богомъ и служба за царемъ. Мы еще увидимся; мы еще будемъ драться вмѣстѣ.»

Солдаты рыдали. Суворовъ подозвалъ одного изъ нихъ и обнялъ; слезы катились изъ его глазъ; онъ не могъ больше выдержать и побѣжалъ къ себѣ на квартиру. Почтовая телѣжка стояла уже готовая; Суворовъ сѣлъ въ нее и тройка помчалась....

Суворовъ поселился въ родовомъ сельцѣ своемъ Кончанскомъ, Боровичскаго уѣзда, Новгородской губерніи. Онъ былъ одинокъ и казалось прежняя слава его

была всѣми забыта. Но Суворовъ не роптал: никто не слыхалъ ни жалобъ, ни сѣтованій его. Онъ былъ веселъ, спокоенъ и заботливо занялся постройкою двухъ домиковъ. Одинъ изъ нихъ былъ въ саду и состоялъ изъ одной комнаты, въ которой Суворовъ уединялся для вечернихъ занятій.

Онъ ни мало не измѣнилъ ни своихъ привычекъ, ни прежняго образа жизни. Вставалъ рано и отправлялся на колокольню звонить, потомъ слушать заутреню и обѣдню, во время которыхъ исправлялъ должность пономаря: пѣлъ на клиросѣ, читалъ Апостолъ, подавалъ священнику кадило. По воскресеньямъ, послѣ обѣдни, всегда заходилъ для бесѣды къ священнику. Обѣдалъ постоянно дома и одинъ; послѣ обѣда отдыхалъ, а потомъ, послѣ недолгаго сна, отправлялся гулять по деревнѣ. Здѣсь онъ бѣгалъ и прыгалъ съ крестьянскими дѣтьми, мирилъ споры и ссоры, помогалъ бѣднымъ; а вечеромъ удалялся въ свой маленькій домикъ, гдѣ иногда до зари просиживалъ за планами и книгами. Онъ тутъ слѣдилъ за передвиженіями и побѣдами Наполеона на Рейнѣ и въ Италіи и часто повторялъ: «Помилуй Богъ, пора унять мальчишку—онъ далеко шагнетъ!»

Наполеонъ дѣйствительно шагалъ гигантски: онъ навелъ ужасъ на всю Европу. Императоръ Австрійскій просилъ помощи у русскихъ. Павелъ I отправилъ корпусъ, подъ начальствомъ Розенберга. Но Австрійскій Императоръ убѣдительно просилъ прислать Суворова и ввѣрить ему начальство надъ австрійскими и

русскими войсками. Павелъ I рѣшился исполнить эту просьбу.

Ничего не подозрѣвая, Суворовъ продолжалъ вести уединенную жизнь въ своей Новгородской хижинѣ. Какъ вдругъ въ с. Кончанское прискакалъ курьеръ и вручилъ собственноручное письмо Императора, по которому Суворовъ вызывался въ Петербургъ: ему вручалось командованіе надъ союзными войсками.

По прочтеніи этого письма, слезы радости потекли изъ глазъ Суворова. Онъ поцѣловалъ драгоцѣнное письмо; тотчасъ отслужилъ молебенъ и стоя на колѣняхъ пѣлъ, молился и плакалъ. Въ тотъ же день камердинеръ Суворова распорядился по слѣдующему письменному его приказу:

«Часъ собираться, другой отправляться. Ѣдемъ вчетверомъ. Денегъ взять 250 рублей. Егоркѣ бѣжать къ старостѣ Ѳомкѣ и сказать, чтобы такую сумму повѣрилъ. Ѣду не на шутку: да вѣдь я-же служилъ здѣсь дьячкомъ и пѣлъ басомъ, а теперь ѣду пѣть Марсомъ.» (*)

Черезъ часъ, повозка помчалась въ Петербургъ. Въ первыхъ числахъ Февраля 1798 г., Суворовъ прибылъ въ Петербургъ; повозка остановилась у Зимняго дворца. Старичекъ выскочилъ и бодро побѣжалъ по дворцовой лѣстницѣ.

Суворовъ со слезами повергся къ стопамъ Императора. Государь спѣшилъ поднять его, поцѣловалъ и крѣпко обнялъ престарѣлаго героя. Тутъ же, Павелъ собственноручно надѣлъ на него цѣпь ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго большаго креста.

(*) Марсъ — у язычниковъ богъ войны.

Черезъ часъ, весь Петербургъ шумно заговорилъ: Суворовъ пріѣхалъ! Восторгъ народа и войска былъ всеобщій. Всѣ поздравляли другъ друга, благословляя добраго Государя; всѣ прежніе его недоброжелатели и враги стали заискивать его дружбы и увѣрять въ своей. Но Суворовъ понималъ дѣло очень хорошо и нимало не довѣрялся этимъ наружнымъ ласкамъ. За это время короткаго пребыванія въ Петербургѣ, про него разсказывали множество самыхъ причудливыхъ продѣлокъ съ этими мнимыми его друзьями.

Онъ тонко и безпощадно трунилъ надъ ними; шутки его были неистощимы. Сердечно полюбилъ онъ умнаго графа Растопчина и часто проводилъ съ нимъ время въ долгихъ бесѣдахъ. Однажды, среди важныхъ разговоровъ, Растопчинъ ожидалъ серьезнаго отвѣта, какъ вдругъ Суворовъ остановился и запѣлъ пѣтухомъ.

— Какъ это можно? съ негодованіемъ воскликнулъ Растопчинъ.

— Поживи съ мое — запоешь и курицей! отвѣчалъ Суворовъ, смѣясь. Въ другой разъ, онъ увѣрялъ его очень серьезно, что только трехъ безстрашныхъ людей знавалъ на свѣтѣ.

Растопчинъ спросилъ — что это за люди?

«Первый — Римлянинъ Курцій, который кинулся съ конемъ въ пропасть для спасенія отечества. Второй — Долгорукій: преданнѣйшій слуга Петра I-го. И третій — староста Антипъ: одинъ ходилъ на медвѣдя!»

Разъ, его застали прыгающимъ черезъ чемоданы и разныя дорожныя принадлежности. На вопросъ, что онъ

дѣлаетъ, Суворовъ отвѣчалъ: «учусь прыгать; вѣдь въ Италію-то прыгнуть — ой! ой! великъ прыжокъ, поучиться надобно!»

Объясняясь съ Императоромъ о планахъ войны, Суворовъ съ нѣкоторою горечью видѣлъ, что Русскіе были только помощниками Австріи и не могли дѣйствовать отдѣльно. Дѣлать было нечего и Суворовъ поспѣшилъ въ столицу Австріи, въ Вѣну. На пути онъ явился къ французскому королю Людовику XVIII-му, проживавшему во время революціи французской въ Митавѣ,—и сказалъ ему, что идетъ положить за него голову или возвести его на престолъ. Король отвѣчалъ:

«Я забываю мои бѣдствія и вѣрю, что буду счастливъ, если Богъ вручилъ судьбу Франціи и короля ея— мечу Суворова!» Онъ скакалъ на почтовыхъ, безъ отдыха, день и ночь. По дорогѣ, онъ встрѣтилъ корпусъ русскихъ войскъ, выскочилъ изъ экипажа и закричалъ: «здорово, ребята, чудо-богатыри! вотъ видите я опять съ вами!» Крики ура! и слезы солдатъ привѣтствовали великаго вождя къ побѣдамъ.

По прибытіи Суворова въ Вѣну, всѣ хотѣли его видѣть и привѣтствовать. Улицы были запружены народомъ, всюду и въ окнахъ и на крышахъ толпились люди. Едва онъ показался въ каретѣ, какъ Австрійцы закричали: «да здравствуетъ Суворовъ!» Выйдя изъ кареты, Суворовъ отвѣтилъ имъ по нѣмецки: «Австрійцы храбры, Русскіе непобѣдимы! Мы будемъ бить Французовъ! Ура! да здравствуетъ Императоръ Францъ!»

Императоръ Австрійскій встрѣтилъ Суворова съ великими почестями и пожаловалъ его фельдмаршаломъ австрійскихъ войскъ.

Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Вѣнѣ, Суворовъ поспѣшилъ на мѣсто военныхъ дѣйствій. Ночи были темныя и дороги были дурныя. Однажды экипажъ его упалъ въ рѣку: Суворовъ ушибся. «Ничего! проговорилъ онъ: жаль только что церковныя ноты мои подмокли, боюсь, что не по чемъ будетъ пѣть—«тебя Бога хвалимъ!»

VIII.

Положеніе Европы и Италіи. Пріѣздъ Суворова въ Италію. Италійская компанія 1799 года. Битва при Требіи. Побѣда при Нови. Покореніе всей Италіи. Награды Суворову за Италійскую Кампанію. Приказъ о выступленіи русскихъ войскъ изъ Италіи.

Положеніе дѣлъ въ Европѣ было тревожное. Франція, обезпечивши союзомъ съ Испаніей и Швейцаріей и увѣренная въ нейтралитетѣ Пруссіи, своими дѣйствіями вооружила противъ себя почти всѣ Европейскія государства; но для нее были опасны только Австрія и Россія, силы которыхъ могли оказать отпоръ ея арміямъ. Войско Франціи составляли уже не прежнія нестройныя полчища, но воины испытанные въ бояхъ, гордые побѣдами и предводимые искусными полководцами.

Съ другой же стороны, Австрійцы оставались при старинномъ устройствѣ войска, дѣйствовали медленно и

воля ихъ полководцевъ была ограничена Вѣнскимъ военнымъ совѣтомъ, безъ согласія котораго никто изъ генераловъ не могъ рѣшиться на какое нибудь самостоятельное дѣйствіе.

Вся Италія была занята и покорена Французами. Потому планъ кампаніи 1799 года состоялъ въ томъ, чтобы уничтожить или ослабить силы французовъ въ Италіи. Суворовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ надъ Италійскою арміею союзниковъ, т. е. Австрійцевъ и Русскихъ. Для дѣйствія назначались четыре русскихъ корпуса. Одинъ соединялся съ Австрійцами въ Верхней Италіи: другой дѣйствовалъ въ Швейцаріи.

У Французовъ, въ Верхней Италіи, находилось до 60 тысячъ войска, подъ начальствомъ генерала Моро; въ Южной Италіи—25 тысячъ, подъ начальствомъ Магдональда, и въ Швейцаріи—армія Массены изъ 30 тысячъ человѣкъ. Кромѣ того, разные мелкіе отряды поддерживали сообщеніе между всѣми арміями.

Передъ отъѣздомъ изъ Вѣны, Суворовъ обратился къ Австрійскому Императору съ просьбою, чтобы онъ позволилъ ему дѣйствовать, не спрашивая согласія Военнаго Совѣта (Гофъ-Кригерага). Разрѣшеніе это и было ему дано; но вмѣстѣ съ тѣмъ, дано было особое наставленіе, въ которомъ предписывалось, какъ дѣйствовать. Суворовъ говорилъ, что ему велѣно идти черепашьимъ ходомъ, а онъ думалъ въ одну кампанію перенести оружіе изъ Италіи во Францію.

Въ Апрѣлѣ, Суворовъ прибылъ въ Верону (городъ Верхней Италіи). Подъ его начальствомъ состояли рус-

скіе генералы: Дерфельденъ, Розенбергъ, Повало-Швейковскій, Ферстеръ, Багратіонъ и Милорадовичъ. Вся Суворовская армія состояла изъ 18 тысячъ Русскихъ и 44 тысячъ Австрійцевъ. Народъ встрѣтилъ русскаго вождя восторженно.

Суворовъ, осматривая войска, спросилъ австрійскаго гренадера: «разобьемъ-ли мы Французовъ, старикъ?» Гренадеръ отвѣчалъ: «мы бивали непріятеля съ нашими генералами, а съ вами еще лучше будемъ бить!» Такъ увѣрены были всѣ въ непобѣдимости русскаго полководца.

Суворовъ началъ тотчасъ дѣйствовать наступательно. Въ виду наступавшей арміи Суворова, французскій главнокомандующій Моро рѣшился отступить за рѣку По, занять крѣпкія позиціи, тамъ гдѣ начинается весьма гористая мѣстность. Онъ посиѣшно сдвинулъ всѣ свои войска, оставивъ небольшіе гарнизоны въ Миланѣ, Туринѣ и другихъ крѣпостяхъ и въ тоже время далъ знать въ Южную Италію генералу Магдональду, чтобы онъ шелъ къ нему на помощь.

Но и Суворовъ не медлилъ. 29 Апрѣля онъ торжественно въѣхалъ въ Миланъ, и обложилъ Миланскій замокъ, защищаемый 2500 гарнизона. Тутъ пришлось по неволѣ измѣнить планъ дѣйствій: получено приказаніе Австрійскаго Императора, остановить наступательныя дѣйствія и заняться взятіемъ крѣпостей. Для этого Суворовъ отрядилъ къ кр. Мантую 25000 подъ начальствомъ австрійскаго генерала Края, и при немъ осталось всего не болѣе 25000 человѣкъ.

Подъ Маренго произошла битва: Французы отступили, потерявъ до 2500 человѣкъ убитыми и 200 плѣнными. Послѣ этого, какъ французскія войска, такъ и войска союзниковъ начали маневрировать почти въ виду, одни противъ другихъ, желая завлечь другъ друга въ ловушку.

Суворовъ, главнымъ образомъ, старался не допустить соединенія Магдональда съ Моро и хотѣлъ разбить каждаго изъ нихъ отдѣльно. Для этой цѣли, онъ началъ такія странныя движенія войскъ, что окончательно спуталъ всѣ расчеты французскихъ генераловъ.

Подвигаясь по рѣкѣ По, Суворовъ дошелъ до Турина, столицы Сардинскаго королевства. Едва бросили нѣсколько бомбъ, Туринъ сдался, съ 400 пушками и мортирами.

10 Іюня, Суворовъ выступилъ изъ Турина. Генералъ Магдональдъ полагалъ, что Суворовъ еще былъ въ Туринѣ, шолъ по рѣкѣ Требіи въ надеждѣ скоро соединиться съ войсками Моро. Но Суворовъ зорко слѣдилъ за нимъ и вынудилъ его принять сраженіе на долинѣ **Требіи.** Онъ достигъ своей цѣли: русскому штыку приходилось перевѣдаться съ непріятелемъ въ открытомъ бою. Предстояло разбить Магдональда. Силы обоихъ армій были почти равны, но съ Русскими былъ Суворовъ.

Въ три часа 16 тысячъ Французовъ пошли въ аттаку. Багратіонъ штыками удержалъ непріятеля, а Великій Князь Константинъ Павловичъ самъ повелъ въ аттаку свой полкъ. До 9 часовъ вечера продолжалась крово-

пролитная битва и непріятель былъ прогнанъ, потерявши до 1000 человѣкъ. На другой день, бой возобновился съ большимъ ожесточеніемъ. Движеніе нашихъ войскъ началось съ 10 часовъ утра; но переходы черезъ овраги и рытвины, усаженныя деревьями затрудняли походъ, такъ что первая стычка началась только въ 2 часа пополудни. Бой кончился въ 10 часовъ вечера. Снова русскій штыкъ оказалъ свое превосходство: Французы не выдержали и отступили за Требію. Но битва все еще не кончилась. Магдональдъ, увѣренный, что Моро спѣшитъ къ нему на помощь рѣшился продолжать сраженіе. На третій день, т. е. 19 Іюня утромъ, онъ снова сдѣлалъ упорное нападеніе. Французы уже прорвали нашу линію. Тогда Суворовъ съ Милорадовичемъ бросились въ бой; ударили въ штыки; непріятель былъ сбитъ: онъ посиѣшно перешолъ обратно за Требію. Суворовъ стремительно преслѣдовалъ его, какъ орелъ добычу, овладѣлъ городомъ Піаченцою, взялъ въ плѣнъ 4 генераловъ, 350 офицеровъ и до 7 тысячъ нижнихъ чиновъ.

Не много было битвъ, гдѣ бы сражались такъ долго и упорно. Жара была страшная, такъ что разбирая тѣла на полѣ сраженія находили многихъ умершихъ отъ утомленія; они вѣроятно падали отъ безсилія и задыхались заваленныя трупами убитыхъ. Но войско наше, упоенное славой побѣды храбраго врага, было бодро и весело.—Всѣ три дня, Суворовъ въ рубашкѣ, безъ мундира, не сходилъ съ коня и являлся всюду, одушевляя солдатъ.

Требійская битва уничтожила окончательно армію Магдональда; изъ ея строя выбыло до 18 тысячъ человѣкъ.

Суворовъ высоко цѣнилъ отдѣльные подвиги солдатъ. Послѣ каждаго сраженія требовалъ, чтобы начальство представляло ему лично каждаго солдата, который отличился или храбростью, или какимъ либо рѣдкимъ поступкомъ и часто такихъ обнималъ, цѣловалъ и подчивалъ изъ своихъ рукъ водкою. Въ сраженіи при Требіи, солдатъ Митрофановъ взялъ, съ своимъ товарищемъ, трехъ французовъ въ плѣнъ. Они отдали свои кошельки, часы и все, что имѣли. Митрофановъ возвратилъ имъ нѣсколько денегъ на кормъ. Подбѣжавшіе наши солдаты хотѣли-было въ ярости ихъ изрубить; но Митрофановъ не допустилъ, сказавши: «нѣтъ ребята, я далъ имъ пардонъ. Пусть и французъ знаетъ, что русское слово твердо». Митрофановъ былъ представленъ фельдмаршалу и на вопросъ Суворова: «кто тебя научилъ быть такимъ добрымъ?» отвѣтилъ: «Русская азбука — С. Т. (*слово, твердо*) и словесное вашего сіятельства поученіе: солдатъ—христіанинъ, а не разбойникъ». Съ восторгомъ обнялъ его фельдмаршалъ и тутъ же на мѣстѣ произвелъ его въ унтеръ-офицеры.

Извѣстіе о Требійской побѣдѣ разнеслось по всей Европѣ. Въ Петербургѣ, по повелѣнію Императора, было совершено благодарственное молебствіе и провозглашено было многолѣтіе *высокоповелительному фельдмаршалу Графу Суворову-Рымникскому*. Императоръ Павелъ послалъ къ великому вождю портретъ свой въ

перстнѣ, осыпанномъ брилліантами. По этому случаю Государь написалъ ему собственноручное письмо: «Примите этотъ перстень въ свидѣтельство дѣлъ вашихъ и носите на рукѣ вашей, поражающей врага,» писалъ Государь.

Послѣдствія Требійской побѣды были очень важны: Моро, узнавъ о пораженіи Магдональда, отступилъ въ приморскій городъ Генуя. Суворовъ же перенесъ свою главную квартиру въ Александрію и отсюда посылалъ распоряженія о передвиженіяхъ войскъ, и о взятіи крѣпостей. Тутъ же онъ готовилъ дальнѣйшіе планы окончательнаго уничтоженія непріятеля. Тѣмъ временемъ, изъ Россіи подоспѣло еще подкрѣпленіе въ 8 тысячъ, подъ начальствомъ генерала Ребиндера.

Всѣ распоряженія Суворова приводились въ исполненіе блистательно: покореніе городовъ и крѣпостей слѣдовало быстро. Въ Вѣнѣ и Петербургѣ едва успѣвали получать извѣстія о побѣдахъ и городскіе ключи. Всюду забирали гарнизоны, многочисленную артиллерію и военные запасы. Туринъ сдался съ 2800 человѣкъ гарнизона и при этомъ, побѣдителямъ достались 348 пушекъ, 148 мортиръ, 30 гаубицъ, 40 тысячъ ружей. При взятіи Александріи, взято въ плѣнъ 2400 человѣкъ и захвачено 140 орудій; при взятіи Урбино побѣдителю сдались 600 человѣкъ гарнизона, съ 30 пушками и 2600 ружей. Послѣ двухнедѣльной осады сдалась и Мантуа съ 300 пушками. Только три пункта остались во власти Французовъ.

Успѣхи Суворова встревожили Францію. Неудачи

свои Французы приписывали осторожнымъ дѣйствіямъ генерала Моро. Его вызвали изъ Италіи и на его мѣсто послали генерала Жубера, съ приказаніемъ дѣйствовать наступательно. Жуберъ славился во французской арміи своею храбростью и умомъ. Онъ былъ обожаемъ солдатами. По прибытіи въ Геную, онъ рѣшился тотчасъ дѣйствовать наступательно. Онъ говорилъ, что побѣдитъ, или же, въ случаѣ неудачи, бросится на вѣрную смерть.

Войско его состояло изъ 50 тысячъ. Онъ тотчасъ же предпринялъ движеніе противъ Суворова, у котораго было до 45000 войска.

Французы заняли у Нови крѣпкую позицію, защищенную горами и густыми виноградниками, отдѣльными домиками и стѣнками. Жуберъ былъ увѣренъ, что Суворовъ не посмѣетъ его атаковать; позиція непріятельская съ фронта была почти не приступна. Но въ случаѣ неудачи, отступленіе черезъ горы было очень затруднительно.

Суворовъ же не любилъ медлить. Онъ приказалъ австрійскому генералу Краю немедленно напасть на лѣвый непріятельскій флангъ, занявшій высоты. Такъ началось знаменитое **сраженіе при Нови**.

Рано утромъ, австрійскіе гусары сильнымъ натискомъ на центръ, вынудили Французовъ отступить. Въ это время на лѣвомъ флангѣ началась перестрѣлка. Генералъ Жуберъ, никакъ не ожидая, что Суворовъ рѣшится самъ начать нападеніе, поскакалъ на мѣсто битвы. Увидавъ приближеніе корпуса Края, онъ бросился въ

цѣпь застрѣльщиковъ и въ тоже мгновеніе былъ убитъ пулею. Онъ погибъ прежде, чѣмъ завязался настоящій бой. Начальство надъ непріятельской арміей снова принялъ Моро.

Между тѣмъ, Австрійцы были сбиты съ высотъ. Суворовъ же во все время атаки Края оставался въ небольшой деревушкѣ, заперся въ своей комнатѣ и не велѣлъ никого пускать къ себѣ. Давно уже продолжалась канонада, когда нашъ фельдмаршалъ выѣхалъ къ русскому авангарду и приказалъ Багратіону атаковать Нови. Непріятель встрѣтилъ Русскихъ убійственнымъ огнемъ. Осыпаемые ядрами и картечью, герои спокойно шли впередъ; но всюду встрѣчали самое отчаянное сопротивленіе. На всей линіи кипѣлъ бой; къ часу пополудни онъ нѣсколько притихъ; обѣ стороны были до крайности утомлены. Всѣ выгоды мѣстности были на сторонѣ Французовъ; они укрывались на высотахъ за кустами, виноградниками. Наши же войска стояли въ равнинѣ, при невыносимомъ зноѣ; многіе солдаты падали отъ изнеможенія и жажды, но никто не падалъ духомъ.

Наконецъ Суворовъ, утомивъ всѣ боевые силы непріятеля, повелъ въ дѣло свой свѣжій резервъ въ 9000 человѣкъ. Это рѣшило битву: Русскіе, послѣ долгихъ и кровопролитныхъ усилій ворвались наконецъ въ Нови съ двухъ сторонъ. Около шести часовъ вечера вся французская армія была не только въ отступленіи, но въ полномъ бѣгствѣ. Наши войска несли эту армію на штыкахъ и преслѣдовали, заставляя цѣлые баталіоны сдаваться и класть оружіе. Французы потеряли одну треть

всей своей арміи. По словамъ Суворова, только темнота ночи спасла непріятеля отъ конечнаго истребленія. Болѣе 16 часовъ продолжался этотъ безпримѣрный бой. Не смотря на неприступныя позиціи и на свою храбрость, французскія войска были побѣждены и разбиты наголову; желѣзная воля русскаго полководца одолѣла всѣ препятствія.... Французы, смотря съ высотъ, сами дивились, какъ баталіоны наши послѣ каждаго отбитаго приступа опять смыкались, выравнивались и спокойно шли на новый приступъ.

Трофеями побѣдителей остались: вся непріятельская артиллерія, 4 знамени и 4500 плѣнныхъ.

За побѣды въ Италіи Суворову былъ пожалованъ титулъ княжескій, съ наименованіемъ *Свѣтлѣйшимъ* и *Италійскимъ*. За битву при Нови, Императоръ Павелъ повелѣлъ:

«Въ благодарность подвиговъ князя Италійскаго, графа Суворова Рымникскаго, гвардіи и всѣмъ россійскимъ войскамъ, даже и въ присутствіи Государя, отдавать ему всѣ воинскія почести, подобно отдаваемымъ особѣ Его Императорскаго Величества.»

Въ своей реляціи, Суворовъ съ большою похвалою отзывался о всѣхъ начальникахъ войскъ, и они щедро были награждены Императоромъ. Суворовъ никогда незабывалъ своихъ товарищей, которымъ онъ былъ обязанъ громкими побѣдами. Въ числѣ награжденныхъ былъ и Великій Князь Константинъ Павловичъ, получившій орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго, осыпанный бриліантами и 50 тысячъ рублей. Кромѣ названныхъ

выше наградъ, Суворовъ получилъ еще портретъ Государя, для ношенія на груди. Депутація отъ города Турина поднесла фельдмаршалу золотую шпагу, съ драгоцѣнными камнями. Отовсюду присылались ему благодарственные адресы за избавленіе Италіи отъ французовъ. Сардинскій Король возвелъ его въ чинъ главнокомандующаго фельдмаршала Сардинскихъ войскъ, съ титуломъ королевскаго принца (двоюроднаго брата). Онъ даже выразилъ желаніе *«служить въ арміи безсмертнаго Суворова»*. Король Неаполитанскій благодарилъ его за то, что онъ утвердилъ его на престолѣ.

Немногимъ полководцамъ суждено было при жизни своей пользоваться такими почестями, какія выпали на долю Суворова. Даже хладнокровные Англичане и тѣ приходили въ восторгъ отъ побѣдъ нашего фельдмаршала. Въ Англіи, Суворовъ сдѣлался любимымъ героемъ; извѣстія о его подвигахъ читались на расхватъ. Явились пироги Суворовскіе, прически Суворовскія. Въ театрахъ пѣли стихи въ его честь, чеканили медали съ изображеніемъ завоевателя Италіи.

Дѣйствительно, въ пять мѣсяцевъ, Суворовъ разбилъ непріятеля въ двухъ великихъ и шести меньшихъ сраженіяхъ. Вся Италія была освобождена; взято 25 крѣпостей, 3000 орудій, 200.000 ружей и 80 тысячъ плѣнныхъ.

Имя Суворова гремѣло по всей Европѣ. Не желая терять времени, Суворовъ хотѣлъ тотчасъ же перенести военныя дѣйствія во Францію; но планамъ его не суждено было осуществиться. По проискамъ австрійскихъ

генераловъ и Вѣнскаго военнаго Совѣта, вѣроятно завидовавшимъ славѣ Русскаго полководца, Суворовъ получилъ новое повелѣніе: со всѣми русскими войсками выступить изъ Италіи.

IX.

Путь Суворова въ Швейцарію. Переходъ Сен-Готардъ. Чертовъ Мостъ. Послѣдній бой въ Мутенской долинѣ. Суворовъ—Генералиссимусъ. Возвращеніе его въ Петербургъ; болѣзнь. Смерть Суворова.

Императоръ Павелъ послалъ Суворову приказъ выступить въ сосѣднюю страну Швейцарію, отдѣленную отъ Италіи неприступными и непроходимыми горами Альпами. Французы успѣли проникнуть въ эту страну и завладѣть ею.

Сильно не по душѣ Суворову былъ этотъ походъ. Онъ не предвидѣлъ ничего хорошаго: Австрійцы вездѣ медлили и давали Французамъ время оправляться. Самъ Императоръ Павелъ былъ до крайности не доволенъ образомъ дѣйствій Австрійскаго Императора и принималъ горячо къ сердцу жалобы своего полководца. Онъ уже хотѣлъ разорвать всѣ сношенія съ Австрійцами, вызвать Суворова въ Россію и поручить въ полное распоряженіе его всѣ войска, расположенныя на западной границѣ Россіи. Но Австрійцы просили продолженія помощи. Въ Швейцаріи предположено было собрать подъ начальство Суворова до 50000 человѣкъ и противоставить ихъ 84000 уже находившихся тамъ Французовъ.

Изъ русскихъ войскъ, въ Швейцаріи находился корпусъ Корсакова. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія Суворова, который долженъ былъ привести съ собою 20000 отборнаго русскаго войска. Суворовъ подошелъ къ Альпамъ; ему предстояло на выборъ нѣсколько путей: онъ могъ обойти крутыя снѣжныя горы и ледники, но это отняло бы слишкомъ много дорогаго времени; а прямо перейти черезъ высокій горный хребетъ, черезъ гору Сенъ-Готардъ было близко, но дорога считалась непроходимою для арміи. Суворовъ не долго думалъ и избралъ путь черезъ гору Сенъ-Готардъ. Онъ желалъ русскому войску такой славы, которою никто еще не могъ похвалиться: славы преодолѣть и побѣдить природу.

Австрійцы едва вѣрили этому предпріятію, но обѣщали доставить ему муловъ для перевозки тяжестей. Пять дней прождалъ Суворовъ напрасно и по совѣту Великаго Князя Константина Павловича, рѣшился употребить подъ вьюки казачьихъ лошадей.

10 Сентября двинулись русскія войска къ подошвѣ Сенъ-Готарда. Дождь лилъ ливмя; рѣзкій вѣтеръ прохватывалъ на-сквозь. Трое сутокъ совершался этотъ переходъ. Колонны выступали въ походъ до разсвѣта. Не разъ приходилось имъ одолѣвать, кромѣ невообразимыхъ трудностей горнаго пути,—еще и самое упорное сопротивленіе непріятеля: французы, укрываясь за утесы и каменья встрѣчали храбрыхъ убійственнымъ огнемъ. Приходилось брать приступомъ засады и подвигаться по кровавымъ слѣдамъ.

*

Но героевъ велъ Суворовъ: не смотря на слабость здоровья, онъ ѣхалъ бодро въ обыкновенной легкой одеждѣ своей; на немъ былъ мундиръ, нижнее платье бѣлое, на ногахъ нитяные чулки и полуботфорты. Сверхъ всего накинутъ тонкій, ветхій плащъ, ничѣмъ не подбитый, слывшій подъ именемъ *родительскаго*; на головѣ распущенная трехугольная шляпа; перчатокъ Суворовъ никогда не носилъ. Своимъ собственнымъ примѣромъ, онъ ободрялъ солдатъ. Проливной дождь, узкая горная дорога, крутизны и подъемы на каждомъ шагу замедляли движеніе. Но все шло за Суворовымъ, карабкаясь иногда какъ на стѣну.

Близъ вершины горы есть древняя обитель монаховъ, помогающихъ заблудшимъ въ горахъ путникамъ; настоятель этой обители 70-ти-лѣтній, сѣдой какъ лунь старецъ, встрѣтилъ нашъ истомленный отрядъ и пригласилъ Суворова на завтракъ.

«Нѣтъ, святой отецъ!—отвѣтилъ Суворовъ: какъ ни голодны мы, но прежде всего надо помолиться Богу,— отслужите намъ сперва молебенъ, а потомъ и за трапезу!

На вершинѣ Сенъ-Готарда помолясь Богу силъ, и отдохнувъ— двинулось войско въ путь, напутствуемое благословеніемъ изумленныхъ монаховъ. Наконецъ достигли перевала черезъ снѣговой хребетъ. Даже и привычные охотники швейцарскіе никогда неступали на эти недосягаемыя выси. Мѣсто было такъ пустынно, что на ночлегахъ солдаты не могли достать даже хворосту для бивуачныхъ огней. Офицеры сами несли въ узлахъ сухари и походное свое имущество. Если кто

изъ молодыхъ солдатъ выбивался изъ силъ, то старики подхватывали его ношу и давали ему оправиться, чтобы только не было отсталыхъ.

Хотя непривычные къ горамъ, они ловко прыгали со скалы на скалу, то цѣпляясь и подсаживая другъ друга, то упираясь штыками.

Появленіе русскихъ изумило французовъ; они вздумали было остановить движеніе нашей арміи; но наши солдаты живо выбивали ихъ изъ позицiи.

Наконецъ, послѣ невѣроятныхъ препятствій и безпримѣрныхъ въ исторіи усилій, достигли вершины горы, начали спускаться. Спускъ этотъ былъ еще труднѣе: французы, засѣвъ въ ущельяхъ, вели неустанную перестрѣлку. Спускъ былъ мѣстами до того крутъ, что войска наши почти скатывались и мигомъ строились въ долинѣ. Но переходъ чрезъ горы еще не былъ оконченъ: впереди, черезъ бездны и утесы лежалъ *Чертовъ мостъ*, вполнѣ заслужившій свое имя. Надо было перейти его. Тутъ французы надѣялись удержать русскую армію и несмотря на огонь нашихъ стрѣлковъ, успѣли разобрать часть спуска къ мосту. Образовался провалъ, черезъ который невозможно было пройти. За каждымъ камнемъ разсыпались французскіе стрѣлки. Но Суворовъ крикнулъ: впередъ чудо-богатыри и наши бросились, притащили нѣсколько бревенъ; офицеры перевязали ихъ своими шарфами, и по этой зыбкой перекладинѣ начали перебираться. Многіе обрывались и расшибались въ безднѣ и всетаки переправа совершилась. Тутъ начались настоящія испытанія. Передъ Суворовымъ, около

селенія Альторфа стояли Французы. Русскимъ предстояло или отступить обратно черезъ Сенъ-Готардъ, или снова пробираться по еще труднѣйшимъ горнымъ тропинкамъ. Суворовъ избралъ самую непроходимую изъ нихъ и конечно ни одной арміи въ мірѣ не приводилось проходить по такимъ страшнымъ стремнинамъ. Тутъ въ полномъ блескѣ выказался геній Суворова: семидесятилѣтній старецъ, гнетомый огорченіями, онъ выноситъ необычайные труды тѣлесные, лишенія и сохраняетъ исполинскую силу духа.

16-го числа начали снова подниматься въ гору. Крутизна была не померная. Солдаты взбирались по одиночкѣ, то по голымъ камнямъ, то по вязкой глинѣ, то по рыхлому снѣгу. Каждый невѣрный шагъ стоилъ жизни. Колонны окружалъ такой туманъ, что всѣ были измочены, словно проливнымъ дождемъ. Ощупью карабкались люди, не видя передъ собой узкой тропинки между двумя пропастями. Послѣдняя обувь совсѣмъ избилась. Но полубосыя, голодныя войска не унывали. Наконецъ начали спускаться и войска внезапно очутились въ **Мутенской** долинѣ, окружили французскій постъ въ 150 человѣкъ и захватили его въ плѣнъ.

Швейцарцы понынѣ указываютъ путешественникамъ едва замѣтную въ скалахъ тропинку и съ благоговѣніемъ говорятъ: *«здѣсь проходилъ Суворовъ.»*

Только присутствіе Суворова въ этихъ по истинѣ непроходимыхъ мѣстахъ, оживляло и ободряло наши войска. Однажды на походѣ, когда колонна съ неимовѣр-

ными трудами пробиралась по скаламъ, солдаты въ присутствіи фельдмаршала начали-было ворчать:

«Старикъ нашъ вышелъ изъ ума; Богъ вѣсть куда завелъ насъ!...

Суворовъ, слыша это собственными ушами, обратился къ своей свитѣ и громко сказалъ:

«Какъ они хвалятъ меня! Помилуй Богъ; такъ точно они хвалили меня въ Турецціи и Польшѣ.»

Въ другой разъ, солдаты совсѣмъ выбились изъ силъ и уже начинали унывать; Суворовъ во всю мочь затянулъ пѣсню:

«Что дѣвушкѣ сдѣлалось?
Что съ красной случилося?»

Общій хохотъ раздался въ колоннѣ и всѣ ободрились.

На привалахъ, ночлегахъ, Суворовъ часто подходилъ къ солдатскимъ кружкамъ, вмѣшивался въ ихъ разговоры, шутилъ и смѣшилъ разными поговорками. Одно его появленіе имѣло громадное вліяніе на войско: онъ умѣлъ его оживить. Показывая на горы, онъ говорилъ: «тамъ за горами побѣда, а потомъ и милость царская.» Стоило ему только назвать солдатъ: «чудо - богатыри! чада Павловы!» и тотчасъ же раздавались восторженные клики: «ради стараться, отецъ нашъ! веди, куда знаешъ, всюду пойдемъ за тобою!»

Таковъ искони русскій солдатъ: голодъ, холодъ и непогода, выбиваютъ изъ послѣднихъ силъ, но раздалось ласковое слово любимаго начальника — мигомъ забыта невзгода и онъ готовъ на новые подвиги, на смерть!...

Послѣднее знаменитое дѣло Суворова и чудо-богатырей его было въ **Мутенской** долинѣ. Здѣсь 20000 рус-

скихъ были окружены *втрое* сильнѣйшимъ непріятелемъ. Ни провіанта, ни патроновъ не было; артиллеріи почти неоставалось и утомленныя войска были, неисключая и офицеровъ, почти безъ сапогъ.

Французскій главнокомандующій Маршалъ Массена, хвалился—взять въ плѣнъ Суворова и Великаго Князя Константина Павловича со всѣмъ отрядомъ. Положеніе нашихъ войскъ дѣйствительно было безвыходное, а на Австрійцевъ надежда была плоха.

Но на военномъ совѣтѣ единогласно рѣшено: «Пробиться сквозь непріятеля штыками.»

«Одна надежда—на всемогущаго Бога, да на храбрость нашу! Мы Русскіе—съ нами Богъ!» отвѣтилъ Суворовъ, и сдѣлалъ распоряженіе объ атакѣ непріятеля. Милорадовичъ, Багратіонъ, Каменскій, Розенбергъ, командуя разными отрядами, два дни вели кровопролитныя битвы съ частями французскихъ войскъ; ихъ же собственными, отбитыми у нихъ орудіями, громили ихъ; наконецъ двинулись изъ долины къ горамъ, разбили наголову главныя французскія силы, обратили ихъ въ бѣгство и пошли на соединеніе къ нашей артиллеріи и обозамъ, шедшимъ изъ Италіи. — Только черезъ мѣсяцъ, послѣ этого труднѣйшаго похода, остановились Русскія войска на продолжительный отдыхъ.

И здѣсь—все было забыто: чинилась обувь, справлялась аммуниція, раздавались шутки, смѣхъ и пѣсни солдатъ — съ Суворовымъ они не знали горя.

Такъ кончился Швейцарскій походъ.

Вслѣдствіе разногласій, Императоръ Павелъ предо-

ставилъ Австрійцамъ однимъ вѣдаться съ Французами.

Суворову съ русскими войсками приказано было возвратиться въ Россію.

Государь и вся Россія считали величайшимъ подвигомъ Суворова спасеніе русскаго войска въ Швейцарскихъ горахъ.

Государь пожаловалъ ему званіе *Генералиссимуса* и въ рескриптѣ, которымъ Суворову объявлена новая милость царская, Государь писалъ:

«Награждая васъ по мѣрѣ признательности моей и ставя на высшій степень, чести и геройству предоставленный, увѣренъ, что возвожу на оный знаменитѣйшаго полководца сего и другихъ вѣковъ.»

Въ то же время, Государь повелѣлъ въ честь Суворова воздвигнуть въ Петербургѣ памятникъ (*).

Императоръ призывалъ Суворова въ Петербургъ; онъ хотѣлъ видѣть и почтить героя. Спѣша исполнить волю Государя, новый генералиссимусъ довелъ свои войска до Богемскаго города Праги и тутъ онъ простился съ ними. Онъ прослезился и ничего не могъ сказать своимъ храбрымъ солдатамъ и товарищамъ, съ которыми дѣлилъ и горе и радости. Ряды солдатъ горестно безмолствовали. Всѣ будто предчувствовали, что видятъ Суворова въ послѣдній разъ.

(*) Монументъ этотъ открытъ въ царствованіе Императора Александра I въ 1801 году. Открытіе происходило торжественно, въ присутствіи Государя, при громѣ выстрѣловъ и музыки. Онъ поставленъ у Троицкаго моста.

Сдавъ начальство надъ войсками, Суворовъ отправился въ Петербургъ. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ свое Кобринское имѣніе; но тутъ онъ опасно заболѣлъ. Государь, встревоженный извѣстіемъ о его болѣзни, прислалъ ему своего лейбъ-медика съ письмомъ: «Молю Бога, да сохранитъ Онъ моего героя,» писалъ ему Императоръ. Но Суворовъ во всю жизнь не терпѣлъ лекарствъ и продолжалъ лечиться по-своему.

— Помилуй Богъ, говорилъ онъ, я боленъ не шутя, не до лекарствъ теперь. Мнѣ надобны — деревенская изба, молитва, баня, кашица, да квасъ.

Докторъ умолялъ его одѣться потеплѣе.

— Я солдатъ! отнѣкивался онъ.

— Вы генералиссимусъ! отвѣтилъ докторъ.

— Такъ, да солдатъ съ меня примѣръ беретъ! возразилъ Суворовъ.

Чувствуя облегченіе, Суворовъ ходилъ въ церковь, пѣлъ, молился и по прежнему читалъ Апостолъ.

Докторъ, видя что здоровье Суворова поправилось, дозволилъ ему ѣхать въ Петербургъ, въ каретѣ, на пуховикахъ и не болѣе 25 верстъ въ сутки. Но дорога эта была скорѣе похожа на похоронное шествіе: Суворовъ лежалъ недвижимъ. Народъ толпами выходилъ на его встрѣчу, плакалъ и молился за него. Едва шевелясь, онъ однако все шутилъ и иногда съ улыбкою говорилъ: охъ! устарѣлъ я!

Наконецъ Суворовъ прибылъ въ Петербургъ. Болѣзнь усиливалась. Тихо, безропотно угасалъ герой. Постепенно терялъ онъ память и забывалъ названія недавно

одержанныхъ имъ побѣдъ. Иногда только онъ приходилъ въ себя и повторялъ: «зачѣмъ, зачѣмъ не умеръ я тамъ въ Италіи!»

Чувствуя приближеніе смерти, Суворовъ призвалъ священника, исповѣдывался, причастился и простился со всѣми окружающими. Ночью имъ овладѣлъ предсмертный бредъ. Лежа въ забытіи онъ говорилъ что-то. Можно было разслышать слова: Италія.. сраженіе, чудо-богатыри, впередъ!... Онъ еще мечталъ о побѣдахъ и отдавалъ приказы войскамъ. Къ утру онъ смолкъ, а 6 Мая 1800 года—*Суворова не стало*....

На другой день, толпы тѣснились около дома, гдѣ скончался русскій герой. Народъ входилъ благоговѣйно поклониться праху своего богатыря и любимца. Онъ казался спящимъ; лицо его было спокойно. Многіе старые инвалиды, служившіе подъ его знаменами, долго рыдали и молились надъ прахомъ своего безсмертнаго полководца.

9-го Мая Суворовъ былъ похороненъ съ подобающимъ торжествомъ: весь Петербургъ былъ на похоронахъ провожая русскаго вождя. Императоръ также почтилъ поклономъ гробъ Суворова. Въ воротахъ Александро-Невской лавры шествіе затруднилось: ворота казались низки для высокаго балдахина; всѣ суетились: «Не пройдетъ!» толковали люди.

— «Пройдетъ! Суворовъ вездѣ проходилъ!» воскликнулъ, со слезами на глазахъ, стоявшій тутъ унтеръ-офицеръ.

Суворовъ похороненъ въ Троицкой лаврѣ. Небольшая доска означаетъ мѣсто могилы его; на доскѣ начертаны три слова: *«здѣсь лежитъ Суворовъ»*.

Императоръ Николай I, почтилъ также память Суворова: въ честь непобѣдимому полководцу и для возбужденія въ молодыхъ воинахъ воспоминанія о безсмертныхъ подвигахъ его, Высочайше повелѣно, гренадерскій Фонагорійскій, любимый полкъ Суворова, съ коимъ былъ онъ на Рымникѣ и подъ Измаиломъ, именовать *Гренадерскимъ Генералиссимуса Князя Суворова Италійскаго полкомъ.* И великое имя Суворова останется навсегда въ рядахъ Русской арміи.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Истинная воинская доблесть основывается на доблести человѣческой и гражданской. Чистая душа, горячее, любящее сердце, здравый и просвѣщенный умъ — вотъ свойства доблестнаго воина. Таковы были истинные герои всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, и въ свѣтломъ сонмѣ ихъ высоко стоитъ Суворовъ—нашъ родной, истый русскій богатырь.

Рожденный съ призваніемъ воина, онъ не закопалъ данный ему Богомъ талантъ, а старательно воздѣлывалъ его съ самаго нѣжнаго дѣтства. Но, развивая въ себѣ качества, необходимыя воину, онъ никогда не переставалъ быть достойнымъ гражданиномъ: покорный сынъ, чадолюбивый отецъ, преданный слуга престолу и отечеству и благочестивый христіанинъ,—Суворовъ былъ образцомъ своихъ соотечественниковъ. Образцомъ этимъ онъ останется и навсегда; каждый Русскій долженъ изучить съ любовію и глубокимъ уваженіемъ всю жизнь этого великаго русскаго человѣка и запечатлѣть въ своей памяти и сердцѣ его любезный и почтенный образъ.

Суворовъ былъ небольшаго роста, худощавъ, нѣсколько сгорбленъ, некрѣпкаго сложенія и здоровья, при томъ ослабленнаго ранами. Но всегда бодрый и неутомимый въ военныхъ трудахъ, онъ превосходилъ самыхъ сильныхъ людей. Голова его рано посѣдѣла, и

рѣдкіе волосы собраны были локономъ надъ лбомъ, сухощавое лицо покрылось морщинами, но голубые глаза всегда были свѣтлы и оживлены; зрѣніе до самой смерти сохранилось превосходное.

Каждый день, и зимою, вставая очень рано, онъ окачивался холодной водой. Потомъ надѣвалъ какой нибудь изъ своихъ орденовъ, молился съ пѣніемъ, пилъ чай и заказывалъ себѣ всегда простой русскій обѣдъ: щи, каша, пирогъ и для питья квасъ. Въ 9 часовъ утра онъ обѣдалъ; передъ обѣдомъ адъютантъ читалъ «Отче нашъ», и всѣ гости должны были въ концѣ повторять «аминь»! Кто забывалъ *аминь*, тому не подавалась водка. Выпивъ рюмку водки, садился съ гостями за столъ и живо кончалъ обѣдъ; но за столомъ сидѣли долго и тутъ онъ говорилъ, смѣялся, разсказывалъ иногда самыя умилительныя исторіи и часто, среди самаго увлекательнаго разсказа, вдругъ — запоетъ *кукареку*, и прыгая на одной ногѣ, убѣгаетъ въ свою спальню. Отдохнувъ часа три, онъ занимался дѣлами и тогда—всѣ шутки въ сторону. Жизнь его была очень проста; онъ нелюбилъ ни пировъ, ни роскоши; не курилъ, но нюхалъ самый простой русскій табакъ. Спалъ всегда на сѣнѣ или соломѣ. Прислуга его состояла изъ двухъ человѣкъ и любимаго камердинера *Прошки*, который однажды спасъ ему жизнь въ сраженіи.

Набожность Суворова была примѣрная: входя въ комнату, онъ крестился на образа, передъ обѣдомъ вездѣ молился, даже зѣвая крестился. Мимо церкви непроѣзжалъ не помолясь. При богослуженіи, самъ пѣлъ

на клиросѣ и читалъ Апостолъ. Каждая битва начиналась молебствіемъ и раздача наградъ и орденовъ всегда производилась въ церкви. Онъ благоговѣйно уважалъ всѣ религіи и требовалъ этого отъ своихъ подчиненныхъ. Милосердіе, правдолюбіе и цѣломудріе украшали этого героя. Онъ никогда незабывалъ не только услуги, но даже оказаннаго ему радушія: «не только добро, но даже хлѣбъ-соль забывать стыдно и грѣшно!» говаривалъ Суворовъ.

Онъ любилъ военную музыку и особенно солдатскія пѣсни.

Ни чья жизнь изъ русскихъ полководцевъ такъ не обильна крупными событіями, какъ жизнь Суворова:— это цѣлый рядъ блистательныхъ военныхъ подвиговъ, и длинный списокъ славныхъ побѣдъ, одержанныхъ надъ непріятелемъ. По всей справедливости, Суворовъ заслуживаетъ названіе *непобѣдимаго*.

Суворовъ былъ рожденъ и созданъ солдатомъ и жилъ только одною войною. Дома ему было тѣсно; бытъ семейный былъ ему не по сердцу; онъ жилъ только въ лагерѣ, веселился и былъ вполнѣ счастливъ только среди грома пушекъ. Онъ отрекался отъ всего— для войны; она была его радость, его счастіе—его бытіе.

Чему же въ особенности обязанъ былъ незабвенный Суворовъ своей громкой славѣ и своимъ успѣхамъ? Отвѣтъ на это ясенъ: онъ былъ *геній*, то есть вдохновенный избранникъ Божій. На землѣ — это рѣдкій гость!... Мы можемъ только изучать дѣла генія, но

понятіе сущности его для насъ недоступно: все равно, какъ глазъ нашъ можетъ видѣть блескъ солнца, — но само оно недосязаемо для насъ. Взоръ Суворова былъ орлиный—онъ сразу угадывалъ время и мѣсто сраженія: безотчетно дѣлалъ остановки и направлялъ рѣшительный ударъ. Никогда не ошибался онъ въ своихъ распоряженіяхъ—онѣ всегда мѣтко попадали въ цѣль.

Но не одному своему генію обязанъ Суворовъ; онъ присоединилъ къ нему еще два пособія—трудъ и науку. Родившись слабымъ и безсильнымъ, онъ впослѣдствіи сдѣлался желѣзнымъ человѣкомъ. Трудомъ и наукой, онъ дорожилъ всю свою жизнь; съ дѣтскихъ лѣтъ не переставалъ учиться, вполнѣ понимая, что только истинно грамотный и свѣдущій человѣкъ можетъ быть полезнымъ отечеству гражданиномъ.

Важнѣйшая заслуга Суворова та — что онъ по собственному опыту узналъ жизнь и нужды солдата и офицера. Онъ живалъ среди солдатъ, сиживалъ за ихъ кашицей, бесѣдовалъ съ ними за бивачнымъ костромъ, дружился съ ними и былъ ихъ товарищемъ. Весь бытъ солдатскій былъ ему знакомъ; ничто не ускользало отъ его зоркаго глаза. Говорилъ онъ съ солдатами своими особеннымъ языкомъ. Многіе изъ его выраженій до того рѣзко отдѣляются отъ нашего разговорнаго языка, что превратились въ народныя пословицы. Часто повторялъ онъ своимъ солдатамъ:

«Не обижай обывателя: онъ тебя поитъ и кормитъ. Умирай за Церковь и Царя: останешься—честь и слава; умрешь — церковь Бога молитъ! Возмешь крѣпость и

лагерь—твоя добыча, но безъ приказа на добычу не ходи. Непріятель сдался—пощада».

Такъ говорилъ Суворовъ — и солдаты боготворили его. Выступали въ походъ или наступала битва, подъ командою Суворова солдаты шли подъ огонь или на штыки, какъ бы на праздникъ. Въ мирное время, онъ по-своему упражнялъ войска ученіемъ и маневрами и готовилъ ихъ для будущихъ подвиговъ. Во всѣхъ его инструкціяхъ объ ученіяхъ видно требованіе силы и смѣлости; простое ученье онъ всегда старался представить войскамъ, какъ будто это была репетиція настоящей битвы.

Какъ образецъ, приводимъ поученіе Суворова, которое повторялось солдатамъ послѣ каждаго развода и которое солдаты знали наизусть:

Словесное поученіе солдатамъ о знаніи, для нихъ необходимомъ.

Каблуки сомкнуты, подколѣнки стянуты, солдатъ стоитъ стрѣлкой! четвертаго вижу, пятаго не вижу.

Военный шагъ аршинъ, въ захожденіи полтора аршина. Береги интервалы.

Солдатъ во фронтѣ на шагу строится къ локтю; шеренга отъ шеренги три шага, въ маршѣ два; барабаны не мѣшай.

Береги пулю на три дни, а иногда и на цѣлую кампанію, когда негдѣ взять. Стрѣляй рѣдко да мѣтко; штыкомъ коли крѣпко; пуля обмишулится, штыкъ не обмишулится; пуля дура, а штыкъ молодецъ! Коли одинъ разъ! бросай бусурмана со штыка! мертвъ на штыкѣ, царапаетъ саблею шею.

Сабля на шею! отскокни шагъ, ударь! коли другаго, коли третьяго! богатырь заколетъ полдюжины, а я видѣлъ и больше. Береги пулю въ дулѣ; трое наскочатъ—перваго заколи, втораго застрѣли, третьему штыкомъ карачунъ! Это рѣдко, а заряжать несколи; въ атакѣ не задерживай.

Для пальбы стрѣляй сильно въ мишень: на человѣка пуль двадцать купи свинцу, изъ экономіи немного стоитъ. Мы стрѣляемъ цѣльно, у насъ пропадаетъ тридцатая пуля, а по полевой и по полковой артиллеріи развѣ меньше десятаго заряда.

Фитиль на картечь, бросься на картечь—летитъ сверхъ головы! пушки твои, люди твои! вали на мѣстѣ, гони, коли! остальнымъ давай пощаду! Грѣхъ напрасно убить; они такіежъ люди. Умирай за домъ Богородицы! за **Батюшку!** за Пресвѣтлѣйшій Домъ! Церковь Бога молитъ. Кто останется живъ, тому честь и слава.

Обывателя не обижай, онъ насъ поитъ и кормитъ; солдатъ не разбойникъ. Святая добычь: возьми лагерь—все ваше; возьми крѣпость—все ваше. Въ Измаилѣ, кромѣ инаго, дѣлили золото и серебро пригоршнями. Такъ и во многихъ мѣстахъ. Безъ приказа отнюдь не ходи на добычь.

Въ баталіи полевой три атаки: въ **крыло,** которое слабѣе. Крѣпкое крыло закрыто лѣсомъ, это не мудрено! солдатъ проберется и болотомъ; тяжело черезъ рѣку, безъ мосту не перебѣжишь. Шанцы всякія перескочишь. Атака въ середину не выгодна, развѣ конница хорошо рубить будетъ, а иначе сами сожмутъ. Атака въ тылъ очень хороша; только для небольшаго корпуса, а арміею заходить тяжело.

Баталія въ полѣ: линію противъ регулярныхъ, кареями противъ бусурманъ колоннъ нѣтъ, а можетъ случиться и противъ Турковъ, что пятисотному карею надлежать будетъ прорвать 5-ти или 7-ми-тысячную толпу съ помощію фланговыхъ кареевъ. На тотъ случай бросится онъ въ колонну; но въ томъ до сего нужды не бывало. Есть безбожные, вѣтрен-

ные, сумасбродные французишки, они воюютъ на нѣмцевъ и иныхъ колоннами. Если бы намъ случилось противъ нихъ, то надобно намъ ихъ бить колоннами жъ.

Баталія на окопы—на основаніи полевой; ровъ не глубокъ, валъ не высокъ! бросься въ ровъ, скачи черезъ валъ, ударь въ штыки, коли, гони, бери въ полонъ! помни отрѣзывать; тутъ подручныя конницы. Въ Прагѣ отрѣзала пѣхота: да тутъ были тройные и большіе окопы и цѣлая крѣпость: для того атаковали колоннами.

Штурмъ. Ломи черезъ засѣкъ, бросай плетни черезъ волчьи ямы, быстро бѣги; прыгай черезъ палисады, бросай фашины, спускайся въ ровъ, ставь лѣстницы, стрѣлки очищай колонны, стрѣляй по головамъ; колонны лети черезъ стѣну на валъ, скалывай, на валу вытягивай линію; караулъ къ пороховымъ погребамъ; отворяй вороты конницѣ; непріятель бѣжитъ въ городъ—его пушки обороти по немъ. Стрѣляй сильно въ улицы, бомбардируй живо: недосугъ за этимъ ходить. Приказъ: спускайся въ городъ, рѣжь непріятеля на улицахъ; конница руби. Въ дома не ходи, а бей на площадяхъ. Штурмуй гдѣ непріятель засѣлъ; занимай площадь—ставь гауптвахтъ, разставляй вмигъ пикетъ къ воротамъ, погребамъ, магазинамъ. Непріятель сдался—пощада! стѣна занята—на добычь!»

Постепенно подготовляя солдата для будущихъ военныхъ дѣйствій, Суворовъ и въ мирное время требовалъ быстроты, отваги и присутствія духа. По этому онъ не терпѣлъ долгаго отвѣта на предлагаемый вопросъ, какъ бы онъ ни былъ страненъ и смѣшонъ.

— Сколько отсюда до мѣсяца? спросилъ солдата Суворовъ.

— Два солдатскихъ перехода! бойко отвѣчалъ солдатъ..

Или, въ холодную, морозную ночь спросилъ онъ однажды у часоваго: «сколько на небѣ звѣздъ!».

— Сей часъ: сосчитаю!... послѣдовалъ отвѣтъ.

Суворовъ ничемъ не пренебрегалъ. Онъ входилъ во всѣ малѣйшія подробности; передъ битвой самъ осматривалъ мѣстоположеніе, располагалъ штурмами, каждому, до мельчайшихъ подробностей указывалъ его мѣсто и какъ кому дѣйствовать. Всюду онъ былъ самъ, надзиралъ за всѣмъ и всегда былъ впереди своего войска. Опасность онъ презиралъ и мало дорожилъ жизнью; любимою его мечтою—умерѣть на полѣ битвы.

Считая свою жизнь ни во что, онъ дорожилъ жизнью каждаго солдата. Правда, онъ не жалѣлъ потерь при стремительныхъ перелетахъ съ мѣста на мѣсто или при рѣшительномъ ударѣ на непріятеля; но при этомъ онъ говорилъ, что ведя войну медленно—больше утратишь людей, чѣмъ напавши сразу. Быстрый неожиданный ударъ—онъ предпочиталъ различнымъ заранѣе обдуманнымъ планамъ и передвиженіямъ. Суворовъ считалъ, что вся военная наука заключается «*въ трехъ воинскихъ искусствахъ*»:

Три воинскія искусства.

Первое—глазомѣръ, какъ въ лагерѣ стать, какъ идти, гдѣ атаковать, гнать и бить.

Второе—быстрота. Походъ полевой артиллеріи отъ полу до версты впереди, чтобъ спускамъ и подъемамъ не мѣшала. Колонна сблизится; оная опять выиграетъ свое мѣсто; подъ

гору сошедъ, на равнинѣ на рысяхъ. Походъ по рядамъ или по четыре для тѣсной дороги, улицы, для узкаго мосту, для водяныхъ и болотныхъ мѣстъ, по тропинкамъ; и то только когда атаковать непріятеля, то взводами, чтобъ хвостъ сократить. Не останавливайся, гуляй, играй, пой пѣсни, бей барабанъ, музыка греми,—десятокъ отмахалъ! первый взводъ снимай вѣтры, ложись! за нимъ второй взводъ, и такъ взводъ за взводомъ: первая заднихъ не жди. Линія въ колоннѣ на походѣ растянется, коли по четыре, то въ полтора, а порядкомъ—вдвое. Стояла на шагу, идетъ на двухъ; стояла на одной верстѣ, растянется на двѣ; стояла на двухъ, растянется на четырехъ! то досталось бы первымъ взводамъ ждать послѣднихъ полчаса по пустому. На первомъ десяткѣ отдыхъ часъ. Первый взводъ спрыгнулъ, падѣлъ вѣтры, бѣжитъ впередъ десять, пятнадцать шаговъ (а на маршѣ, прошедъ узкое мѣсто, на гору или подъ гору отъ 15 до 50 шаговъ). И такъ взводъ за взводомъ, чтобъ задніе между тѣмъ отдыхали. Второй десятокъ! отбой; отдыхъ часъ и больше; коли третій переходъ малъ, то оба пополамъ, и тутъ отдыхъ три четверти часа, или полчаса, или четверть часа, чтобъ ребятамъ поспѣть скорѣе къ кашѣ. Это для пѣхоты.

Конница своимъ походомъ впередъ; съ коней долой! отдыхаетъ мало и свыше десятка, чтобъ дать конямъ въ лагерѣ выстояться. Кашеварныя повозки впередъ съ палаточными ящиками. Братцы пришли, къ кашѣ поспѣли. Артельный староста: къ кашамъ.

На завтракѣ отдыхъ четыре часа; тожъ самое къ ночлегу отдыхъ 6 часовъ и до 8, какова дорога; а сближаясь къ непріятелю, котлы съ припасомъ спаровлены къ палаточнымъ ящикамъ, дрова запасены на оныхъ.

При сей быстротѣ и люди не устали, непріятель насъ не чаетъ, считаетъ насъ за 100 верстъ, а коли издалека, то на 2, 3 стахъ и больше: вдругъ мы на него какъ снѣгъ на голову.

Закружится у него голова! Атакуй съ чѣмъ Богъ послалъ! Конница начинай! руби, коли, гони, отрѣзывай, не упускай! Ура! чудеса творятъ братцы.

Третье—натискъ. Нога ногу подкрѣпляетъ, рука руку усиляетъ; въ пальбѣ много людей гибнетъ: у непріятеля тѣ же руки, да русскаго штыка не знаетъ! Вытяни линію—тотчасъ атакуй холоднымъ ружьемъ! Недосугъ вытягивать линіи—подвигъ изъ закрытаго изъ тѣснаго мѣста. Коли пѣхота—въ штыки; конница тутъ и есть: ущелья на версту нѣтъ. Картечь черезъ голову, пушки твои. Обыкновенно кавалерія врубается прежде, пѣхота за ней бѣжитъ; только вездѣ строй. Конница должна дѣйствовать всюду какъ пѣхота, исключая зыби; тамъ кони на подводахъ. Казаки вездѣ пролѣзутъ. Въ окончательной побѣдѣ конница гони, руби! конница займется (*), пѣхота не отстанетъ; въ двухъ шеренгахъ сила, въ трехъ полторы силы; передняя рветъ, вторая валитъ, третья довершаетъ (**).

Бойся богадѣльни! Нѣмецкія лекарственницы, издалека, тухлыя, всплошь безсильныя и вредныя. Русскій солдатъ къ нимъ не привыкъ. У васъ есть въ артеляхъ корешки-травушки, муравушки. Солдатъ дорогъ! береги здоровье! чисти желудокъ коли засорился, голодъ лучшее лекарство! кто не бережетъ людей, офицеру арестъ, унтеръ-офицеру и ефрейтору палочки, да и самому палочки кто себя не бережетъ. Жидокъ желудокъ, ѣсть хочется? по закатѣ солнышка немного пустой кашки съ хлѣбцомъ, а крѣпкому желудку буквица въ теплой водѣ, или корень коневьяго щавелю. Помните, господа, полевой лечебникъ штабъ-лекаря Бѣлопольскаго: «въ горячкѣ не ѣшь, хотя до двѣнадцати дней, а пей солдатскій квасъ—то и лекарство! А въ лихорадкѣ не пей, не ѣшь, не то штрафъ! за что себя не берегъ!»

(*) Т. е. если конница остановлена.

(**) Теперь это относится къ линіямъ.

Богадѣльни первый день мягкая постель, второй—французская похлебка, третій день ея братецъ домовище (*) къ себѣ и тащитъ! одинъ умираетъ, а десятеро хлебаютъ его смертный дыхъ. Въ лагерѣ—больные слабые; хворые—въ шалашахъ, не въ деревняхъ: воздухъ чище. Хоть безъ лазарету и вовсе безъ больныхъ быть нельзя: тутъ не надобно жалѣть денегъ на хорошія лекарства, коли есть гдѣ купить, и сверхъ своихъ и на прочія выгоды безъ прихотей. Да все это не важно; мы умѣемъ себя беречь; гдѣ умираетъ отъ ста одинъ человѣкъ, а у насъ и отъ 500 въ мѣсяцъ меньше умретъ. Здоровому питье—воздухъ, ѣда больному—воздухъ.

Богатыри! непріятель отъ васъ дрожитъ; да есть непріятель больше богадѣльни! Проклятая немогузнайка, намека, догадка, лживка, лукавка, краснословка, краткомолвка, двуличка, вѣжливка, безтолковка, кличка, чтобъ безтолково выговаривать край прикакъ, а фокъ, вайркахъ, рокъ-адъ и прочее стыдно сказать. Отъ немогузнайки много, много бѣды!

Солдату надлежитъ быть здорову, храбру, тверду, рѣшиму, правдиву, благочестиву; молись Богу! отъ него побѣда. Чудо богатыри! Богъ насъ водитъ, Онъ намъ генералъ.

За немогузнайку офицеру арестъ, а штабъ-офицеру отъ старшаго штабъ-офицера арестъ квартирный.

Ученье свѣтъ, а не ученье тьма; дѣло мастера боится; и крестьянинъ не умѣетъ сохою владѣть, хлѣбъ не родится. За ученаго трехъ неученыхъ даютъ. Намъ мало трехъ: давай намъ шесть, давай намъ десять на одного! всѣхъ побьемъ, повалимъ, въ полонъ возьмемъ! Послѣднюю кампанію непріятель потерялъ счетныхъ семьдесятъ пять тысячъ, только что не сто; онъ искусно и отчаянно дрался, а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вотъ, братцы, воинское обученіе; господа офицеры, какой восторгъ!

(*) Т. е. гробъ, могила.

Субординація, экзерцицiя (послушаніе, обученіе), дисциплина, (ордеръ воинскій), чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смѣлость, храбрость, Побѣда! Свава, слава, слава!

И солдаты понимали каждое слово Суворовскихъ поученій; слова эти остались понятны и нынѣ, и будутъ понятны во вѣкъ—какъ и всякая истина. Но сила этихъ словъ заключалась именно въ томъ, что они запечатлѣвались дѣломъ: Суворовъ водилъ своихъ преданныхъ чудо-богатырей всегда къ вѣрной побѣдѣ; не считая числа враговъ, безтрепетно кидались они въ штыки и всегда опрокидывали непріятеля. **Штыкъ молодецъ** неизмѣнялъ никогда, *необмишуливался* ни разу — и солдатъ повѣрилъ въ его несокрушимость.

Повѣрилъ въ него и весь свѣтъ: враги наши испытали его силу. Штыкъ русскій выкованъ народнымъ духомъ нашимъ, окрещенъ именемъ **молодца** Суворовымъ, и побѣдами закаленъ потверже стали въ крови враговъ. Онъ пребудетъ навсегда для насъ—указателемъ побѣды, для враговъ—указателемъ бѣгства.

Самъ—истинный герой, Суворовъ вѣрно изобразилъ истиннаго героя въ слѣдующихъ словахъ:

«Герой смѣлъ безъ запальчивости, быстръ безъ торопливости, дѣятеленъ безъ опрометчивости, подчиненъ безъ изгибчивости, начальникъ безъ самонадѣянности, побѣдитель безъ тщеславія, честолюбивъ безъ надменности, благороденъ безъ гордости, доступенъ безъ лукавства, твердъ безъ упрямства, скроменъ безъ притворства, пріятенъ безъ легкомыслія, обязателенъ безъ корысти, проницателенъ безъ коварства, искрененъ

безъ оплошности, благосклоненъ безъ изворотовъ, услужливъ безъ своекорыстія; рѣшителенъ, убѣгаетъ недоумѣній. Онъ предпочитаетъ разсудокъ остроумію. Врагъ зависти, ненависти, мщенія, онъ низлагаетъ соперниковъ добротою, управляетъ друзьями вѣрностію. Онъ утомляетъ тѣло, укрѣпляя его. Онъ властитель стыдливости и воздержанія. Нравственность его религія; его добродѣтели суть добродѣтели великихъ людей. Исполненъ откровенности, онъ презираетъ ложь; правый по характеру, онъ отвергаетъ лживость. Онъ въ сношеніяхъ только съ достойными людьми. Честь и честность сокрыты во всѣхъ дѣлахъ его. Онъ любимъ своимъ повелителемъ и войскомъ. Все ему предано и исполнено довѣренности къ нему. Въ день битвы или похода, онъ взвѣшиваетъ предметы, уравниваетъ мѣры и вполнѣ предается Божественному провидѣнію. Неувлекаясь потокомъ обстоятельствъ, онъ подчиняетъ себѣ событія. Всегда дѣйствуя предусмотрительно, онъ неутомимъ каждое мгновеніе».

Это—образъ героя, и образецъ каждаго честнаго воина. Вдумываясь въ эти слова, и затвердивъ ихъ въ памяти и въ сердцѣ, каждый воинъ будетъ способенъ на геройское дѣло, какъ истинный сынъ любезнаго отечества.

Великіе люди родятся не случайно: Провидѣніе посылаетъ ихъ народамъ, какъ милость свою, какъ образецъ для подражанія и для возвеличенія народнаго духа.

Будемъ же благодарны Божественному Провидѣнію; запечатлѣемъ въ памяти нашей повѣсть дѣлъ и слова

посланнаго намъ великаго человѣка, и глубоко въ душѣ нашей сохранимъ завѣтъ его: быть честными, храбрыми и преданными Богу, Государю и Отечеству слугами. И тогда мы будемъ несомнѣнно достойными внуками Суворовскихъ **чудо-богатырей.**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

А. ПОГОСКАГО.

1. **ДѢДУШКА НАЗАРЫЧЪ. ЗЛОДѢЙ И ПЕТЬКА.** Двѣ повѣсти: 1-я описываетъ великодушный поступокъ стараго отставнаго солдата и его внука мальчишки. 2-я исторія двухъ извощиковъ и двухъ лошадей . . . . .25 к
2. **СИБИРЛЕТКА**, полковая собака. Походы солдатской собаки, раненой подъ Четати и издохшей на могилѣ солдатской подъ Инкерманомъ, по оставившей шкуру свою барабанщику—на общую ротную пользу. . . . . .20 —
3. **ГОСПОДИНЪ КОЛОДНИКЪ.** О томъ, какъ въ голодное время солдаты кормили своихъ хозяевъ и какъ честный человѣкъ попалъ при томъ въ колодки. 20 —
4. **СУХОДОЛЬЩИНА. СЛѢПАЯ ПАМЯТЬ.** 1-я, повѣсть о развратившейся деревнѣ, учёномъ кузнецѣ и дядѣ его—солдатѣ. 2-е, Стихотвореніе: разсказъ слѣпаго кавалера ребятишкамъ . . . . .20 —
5. **ПОДОСИНОВИКИ.** Прибылые ребятишки въ отсутствіи солдата, и его великодушное прощеніе оплошавшей жены . 20 —
6. **СОЛДАТСКОЕ ПИВО. ЧЕРТОВЩИНА. ПУТЕШЕСТВІЕ НА ЛУНУ.** Невымышленные разсказы про знахаря, суевѣра и пьяницу, залетѣвшаго будто бы на луну, а въ сущности въ лужу . . . . .20 —
7. **МІРСКІЯ ДѢТКИ. МУДРЫЙ СУДЬЯ. ПЕРВЫЙ ВИНОКУРЪ. ПТИЧІЙ ДАРЪ.** 1-е, Описаніе какъ міръ призрѣлъ барскихъ сиротъ. 2-е, Какъ судья уличалъ мошенниковъ. 3-е, Какъ изобрѣтена чортомъ горѣлка, и 4-е. Откуда явилось господское вино виноградное . 20 —

Кн. 8. **ОТСТАВНОЕ СЧАСТЬЕ. ИЗЪ СТАРЫХЪ ЗАПИСОКЪ. ДВА КОЛЬЦА.** 1-е Счастье «посредственнаго» солдатика. 2-е, Мои собственныя воспоминанія. 3. Два земляка Ивана—гордый и тихій; наказаніе грабежа и награда безкорыстія 20

— 9. **АНЧУТКА БЕЗПЯТЫЙ. НАУМЪ СОРОКОДУМЪ. СОБАЧІЙ ЗАСТРѢЛЬЩИКЪ. МЕДВѢЖЬЯ НАУКА.** 1-е, Исторія супротивной бабы, ледящаго мужа и безпятаго чорта. 2-е, Похожденіе глупаго и лѣниваго человѣка. 3-е, Наказанная ложь, и 4-е, Проученное воровство 20 —

— 10. **ПОСЕСТРА ТАНЬКА.** Повѣсть съ натуры. Похожденіе красивой дѣвицы: дѣтство ея, юность и проступки, окончательное паденіе и наконецъ спасеніе ея невзрачнымъ, но добрымъ и честнымъ солдатикомъ . . . . .25 —

— 11. **СТАРИКИ.** Повѣсть изъ крымской войны. Сущность похода и службы въ военное время . . . . .10 —

— 12. **СОРОЧЬИ ГНѢЗДА.** Повѣсть объ укрытомъ солдатскомъ сынѣ . . . . . . .20 —

— 13. **МАІОРСКАЯ ДОЧЬ.** Обученіе молодаго солдата и Сестра Милосердія въ Севастополѣ . . . . .25 —

— 14. **МУЗЫКАНТЪ.** Похожденіе талантливаго человѣка . . . . .20 —

— 15. **НЕСПОСОБНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.** Похожденіе неспособнаго, но честнаго человѣка . . . . .25 —

— 16. **ПЕСТРАЯ КНИЖКА.** Сказки . . . . .10 —

— 17. **ЖИЗНЬ БЕЗЪ ГОРЯ И ПЕЧАЛИ.** Сказка въ стихахъ . . . . .25 —

— 18. **ДѢДУШКА ДОМОВОЙ.** Представленіе въ 4-хъ дѣйствіяхъ для солдатскихъ театровъ . . . . .15 —

На пересылку книжекъ прилагается: на каждыя 5 книжекъ за одинъ фунтъ. Выписывающіе полное собраніе означенныхъ въ этомъ спискѣ книжекъ пересылкою высылаютъ 9 руб.

Въ Редакцію «**ДОСУГЪ и ДѢЛО**».
С.-Петербургъ Большая Московская, д. Владимірской церкви.

